

Российская академия наук
Институт экономики

**С.П. Глинкина, Н.В. Куликова, М.О. Тураева,
А.В. Голубкин, А.А. Яковлев**

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ СТРАН
РОССИЙСКОГО ПОЯСА СОСЕДСТВА:
УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Москва
Институт экономики
2018

Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А.
Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России.
Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018. – 66 с.

ISBN 978-5-9940-0636-8

Аннотация. В настоящем докладе рассматриваются традиционные и новые инструменты, которые все шире применяются Китайской Народной Республикой в странах российского пояса соседства для продвижения масштабной интеграционной инициативы «Один пояс – один путь». Оценены эффекты китайской экономической экспансии в постсоциалистических странах Центральной Азии и Центрально-Восточной Европы. На основе проведенного анализа даны рекомендации по совершенствованию форм и механизмов сотрудничества России с Китаем и со странами пояса соседства с учетом роста китайского экономического присутствия в регионе.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, Центрально-Восточная Европа, Один пояс – один путь, торговля, российский пояс соседства, инвестиции, кредиты.

Классификация JEL. E22, E61, E65, F15, F19, F20, F21, F36, H77, H81, O19.

Abstract. This report examines traditional and new tools that are increasingly being used by the People's Republic of China in the countries of the Russian neighborhood belt to promote the large-scale "One Belt - One Road" integration initiative. The effects of Chinese economic expansion in the post-socialist countries of Central Asia and Central-Eastern Europe are estimated. Based on the analysis, recommendations are given on improving the forms and mechanisms of cooperation between Russia and China and with the countries of the "neighborhood belt", taking into account the growth of the Chinese economic presence in the region.

Keywords: China, Central Asia, Central-Eastern Europe, One Belt – One Road, Trade, Russian neighborhood belt, investments, loans.

JEL classification. E22, E61, E65, F15, F19, F20, F21, F36, H77, H81, O19.

© Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О.,
Голубкин А.В., Яковлев А.А., 2018

© Институт экономики РАН, 2018

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МАСШТАБЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	7
1. Торговля Китая со странами ЦА.....	9
2. Неторговые каналы проникновения китайского капитала в регион.....	13
3. Перенос китайских производств в страны ЦА.....	23
Глава II. КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ОБЕЩАЮЩИЙ СТАРТ, СКРОМНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ТУМАННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.....	29
1. Торговые отношения.....	31
2. Китайские ПИИ как механизм проникновения.....	35
3. Развитие транспортной сети.....	41
4. Активность Китая в Центрально-Восточной Европе и позиция ЕС.....	43
Уроки для России. Вместо заключения.....	51
Литература.....	60
Об авторах.....	66

Там, где в западных традициях предпочли бы решительное столкновение сил и сделали бы упор на героические подвиги, для китайцев идеальной тактикой является использование окольных путей и терпеливое накопление относительных преимуществ.

Г. Киссинджер

Введение

Конец XX – начало XXI в. – время динамичного возвышения Китайской Народной Республики (КНР) и превращения ее в важнейший фактор мирового экономического и политического развития. Уже в середине 1990-х гг. Китаю становится тесно в национально-государственных рамках, и наряду с реализуемой практически с начала трансформационных реформ политикой открытости в стране появляются новые стратегические инициативы, в частности, на XV съезде КПК в 1997 г. принимается стратегия «Идти вовне».

Сегодня Китай, с одной стороны, находится в непрекращающемся поиске по всему миру ресурсов (от источников энергии и сырья до земли и воды), решая эту задачу всеми доступными средствами: за счет международной торговли, инвестиций, политических маневров и военных действий [Levi M., 2014]. С другой – необходимость сохранения высоких темпов экономического роста в интересах обеспечения социальной стабильности, реальный перегрев экономики, появившиеся проблемы перепроизводства толкают Китай к завоеванию новых рынков сбыта для производимых в стране товаров и услуг.

Объем китайских ПИИ уже более 10 лет показывает впечатляющий рост. За 2007–2017 гг. он увеличился в 20 раз и достиг, по данным ЮНКТАД, 1 трлн 482 млрд долл., превратив Китай в крупного международного инвестора, на которого приходится почти 5% глобальных вывезенных ПИИ. Значимым интересом Китая становится накопление физических активов, увеличение доли рынка в различных странах на всех континентах и приобретение через

стратегии слияний и поглощений передовых технологий. Прямые зарубежные инвестиции преимущественно осуществляют под-держанные государством в рамках стратегии «Идти вовне» китайские транснациональные компании.

В стремлении использовать внешние факторы для решения внутренних задач Китай в 2013 г. запускает интеграционную инициативу «Один пояс – один путь» (ОПОП), позже переименованную в «Пояс и Путь»¹. ОПОП находится в центре внимания мирового сообщества, более 6 десятков государств поддерживают китайский интеграционный проект и заявляют о своей готовности участвовать в его реализации. ОПОП изучается практически во всех ведущих научных центрах мира, анализу сути и первых результатов проекта посвящена многочисленная отечественная и зарубежная научная литература.

В 2004 г. начинает реализовываться доктрина «*хэтинцзюэци*» (*мирного возвышения*), которая становится основой китайской внешней политики [Логинова Д.А., 2011]. Китайские лидеры не перестают подчеркивать, что страна преследует исключительно мирные и созидательные цели на благо всего человечества, современный Китай не мыслит себя вне мирового контекста и всеми силами выступает за дальнейшую интеграцию [Липин С., 2011]. Голос Китая становится все весомее на международной политической арене. Тенденции в развитии национальной экономики в значительной мере определяют тренды мирового развития. Растущая экономическая мощь Китая стала объективной основой для усиления взаимодействия со странами–соседами, в числе которых государства постсоветского пространства, Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ).

В докладе анализируется роль китайского фактора применительно к двум группам стран:

-
1. Оригинальное название проекта «一帶一路» дословно переводится с китайского как «один пояс по одной дороге». Русскоязычный сегмент исследователей, экспертов и журналистов использует несколько вариантов для обозначения этого проекта: «Один пояс – один путь» (ОПОП), «Инициатива пояса и пути» (ИПП), «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Причем некоторые источники, использующие аббревиатуру ЭПШП, имеют в виду инициативу ОПОП в целом, а не только сухопутную ее часть. В англоязычной литературе название «One Belt One Road Initiative» (OBOR) в последнее время сменилось официальной аббревиатурой BRI (The Belt and Road Initiative – «Инициатива пояса и пути»). Поскольку официальных названий стратегии в русском языке пока не принято, в рамках данного доклада мы будем пользоваться аббревиатурой ОПОП, которая наиболее близка по смыслу оригинальному китайскому названию.

- государствам Центральной Азии, которые прежде других постсоветских стран оказались в сфере особых интересов Китая; здесь были использованы каналы и механизмы экономической экспансии, которые позже стали тиражироваться и в других странах и регионах, поэтому изучение именно «центрально-азиатского эксперимента» представляется для нас наиболее показательным и информативным;
- странам Центрально-Восточной Европы, которые стали относительно новым объектом для китайского экономического проникновения в национальные экономики; данный процесс до сих пор не получил должной оценки в современной научной литературе.

Роль Китая в экономическом развитии государств Закавказья, Белоруссии, Украины и Молдовы была рассмотрена ранее в докладе Института экономики [Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А., 2016]; дальнейший углубленный анализ этой роли авторский коллектив планирует провести по мере существенного изменения ранее описанной ситуации.

Процесс китайской экономической экспансии набирает силу, и сегодня мы можем говорить о том, что практически весь российский пояс соседства, включая восточноевропейские государства, становится пространством, в развитии которого китайский фактор играет важную, а в ряде стран уже и определяющую, роль.

Несмотря на обилие публикаций в российской и иностранной научной литературе, посвященных китайской инициативе «Один пояс — один путь», до сих пор недостаточно изученными, на наш взгляд, остаются такие вопросы, как: внутренние экономические и политические предпосылки появления инициативы ОПОП; традиционные и новые каналы, а также механизмы проникновения китайского капитала в экономику государств российского пояса соседства; неоднозначные последствия китайской экономической экспансии для стран — участников китайской интеграционной инициативы, а также России и евразийского интеграционного проекта. На эти и некоторые другие вопросы авторы постараются дать свой аргументированный ответ на страницах данного доклада.

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МАСШТАБЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В первые годы после развала СССР, когда в ЦА имело место масштабное присутствие западных институтов и влияние последних на политические процессы в странах региона было существенно большим, чем сейчас, китайский интерес к государствам ЦА объяснялся, в первую очередь, задачами обеспечения национальной безопасности. Смена коммунистического правления в целом ряде граничащих с Китаем государств, необходимость контроля над западными провинциями и, прежде всего, Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР)², где усилились сепаратистские настроения, вызвали серьезную озабоченность у руководства страны и подвигли его на активизацию сотрудничества с Россией и рядом государств постсоветского пространства. Появилась серьезная мотивация к созданию института регионального значения, призванного содействовать безопасному развитию Большой Евразии. Такой структурой стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой Китай и Россия играют решающую роль.

Наиболее важными партнерами Китая в сфере безопасности на постсоветском пространстве, помимо России, стали Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Как мы писали в докладе «Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза»

2. Синьцзян – автономный округ, расположенный на западе Китая и граничащий с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном в Центральной Азии (ЦА). Занимая около 15% территории страны и обладая значительными энергетическими ресурсами, регион мало заселен (здесь проживает лишь 1,5% от общей численности населения Китая). Включение Синьцзяна в состав Китая в 1949 г. породило немало проблем, в т. ч. межэтнических – между переселенными сюда китайцами – ханцами и исконно проживавшими на этой территории уйгурами-мусульманами. Неслучайно именно этот регион сегодня считается жизненно важным с точки зрения борьбы с «тремя силами зла» – сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом, что требует налаживания стабильных отношений с сопредельными государствами, на территории которых проживают уйгуры, имеющие тесные связи с уйгурами Синьцзяна.

[Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А., 2016], «в начале нового тысячелетия, учитывая нарастающую гетерогенность постсоветского пространства, проникновение в регион сил Запада во главе с США, а также ослабление ранее доминирующего влияния России на быстро меняющуюся ситуацию в СНГ, (*китайским руководством*) была признана желательной реализация многоуровневой, поэтапной и тщательно выверенной стратегии освоения постсоветского пространства»³. Уже на начальной стадии реализации этой стратегии были созданы устойчивые и многофункциональные связи с государствами Центральной Азии, существенно расширились контакты со странами Закавказья, Беларуссией и Украиной.

После запуска инициативы ОПОП, во время последовавшего за этим в 2013 г. т.н. «Центрально-азиатского турне» генерального секретаря ЦК КПК, председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, статус двусторонних отношений КНР со странами ЦА повысился до уровня стратегического партнерства. И этот формат не статичен, он развивается, с республиками подписываются новые соглашения и договоры, влекущие еще большую связанность ЦА с китайской экономикой и дальнейшее углубление политических взаимоотношений.

В течение нескольких лет по результатам взаимных визитов лидеров стран региона:

1) в Казахстане стандартно уложенное в дипломатический обиход «стратегическое партнерство» в 2016 г. перешло на новый уровень – сопряжение национальной стратегии развития (Нурлы-жол) с китайской стратегией ОПОП;

2) в Киргизии в 2014 г. подписан двусторонний договор о дальнейшем углублении стратегического партнерства;

3) в Таджикистане в 2017 г. в рамках подписанного главами двух государств заявления установлен режим всестороннего стратегического партнерства;

4) в Туркменистане стратегическое партнерство укреплено Договором о дружбе и сотрудничестве 2014 г.;

5) в Узбекистане в 2014 г. отношения подняты до уровня всестороннего стратегического партнерства.

1. Торговля Китая со странами ЦА

Традиционно каналами экономического проникновения Китая в страны региона считались торговля и кредитная политика. Однако к настоящему времени китайскими институтами разработаны и опробованы гораздо более сложные и тонкие схемы и механизмы укрепления Китаем своих позиций в странах пояса соседства. Некоторые каналы проникновения к настоящему моменту недостаточно изучены, многие трудно отследить, пользуясь традиционной международной торговой статистикой и данными СНС. Анализируя каналы влияния, мы попытались разобраться и с рядом новых схем, позволяющих на основе новых или косвенных показателей оценить масштабы реального китайского присутствия в ЦА.

Первым, традиционным каналом проникновения является развитие внешней торговли Китая со странами ЦА. Именно торговля стала главным инструментом реализации стратегии освоения постсоветского пространства на первом этапе развития отношений [Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А., 2016; Тураева М.О., Глинкина С.П., Яковлев А.А., 2018]. Достигнутые результаты впечатляют (табл. 1).

Таблица 1. Место Китая в импорте (экспорте) стран ЦА

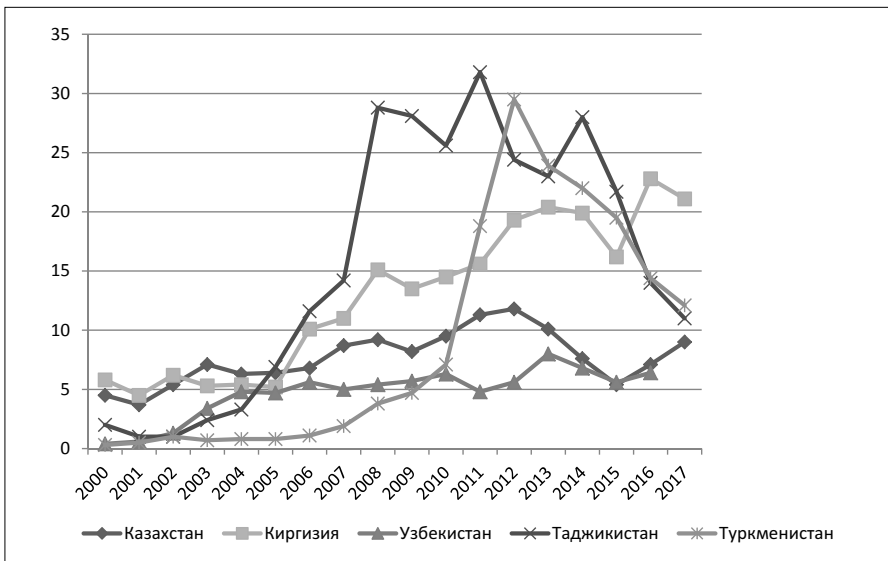
Страна	2010	2012	2017
Казахстан	2(1)	2(1)	2(2)
Киргизия	2(9)	2(5)	1(7)
Узбекистан	3(2)	2(2)	1(2)
Таджикистан	-(-)	-(-)	1(6)
Туркменистан	3(1)	1(1)	3(1)

Источник: составлено авторами по данным: comtrade.un.org/data.

Как видно из данных табл. 1, экспортные и импортные доли Китая выросли во всех странах ЦА. Для Киргизии, Узбекистана и Таджикистана Китай превратился в главного импортера, заняв вторую позицию по экспорту и импорту Казахстана и превратился в основного покупателя туркменской экспортной продукции.

Логично предположить в таком случае, что динамика внешнеторговых показателей после провозглашения в 2013 г. ини-

циативы ОПОП и включения в нее стран ЦА должна демонстрировать лишь позитивные результаты. Тем не менее данные последних лет не подтверждают этой гипотезы: в 1992 г. (год установления дипломатических отношений между Китаем и странами ЦА) общий товарооборот КНР с регионом составлял 460 млн долл., двадцать лет спустя, в 2012 г., он достиг почти 46 млрд долл., увеличившись, таким образом, в 100 раз⁴ за 20 лет, и, наконец, после пика 2012–2013 гг. товарооборот большей части стран ЦА с Китаем демонстрирует спад (рис. 1).

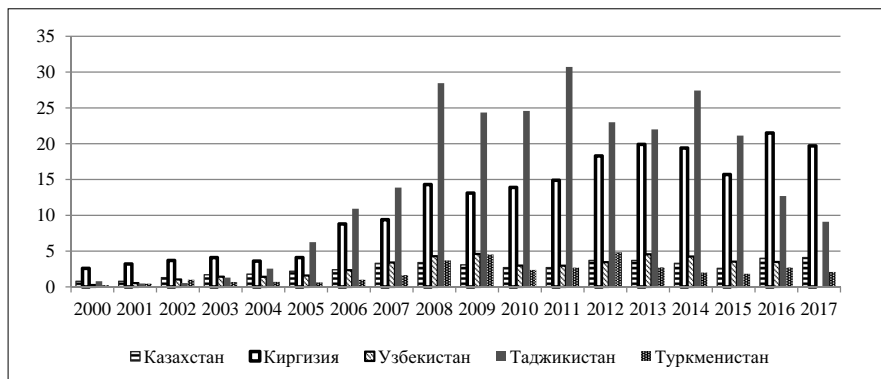

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data (<http://comtrade.un.org/>); Worldbank (<http://www.worldbank.org/>).

Рис. 1. Динамика товарооборота КНР с государствами ЦА, в % к ВВП

На рис. 2 видно, что динамика импорта из Китая после 2012–2013 г. в целом имеет тенденцию к снижению во всех странах ЦА, кроме Таджикистана.

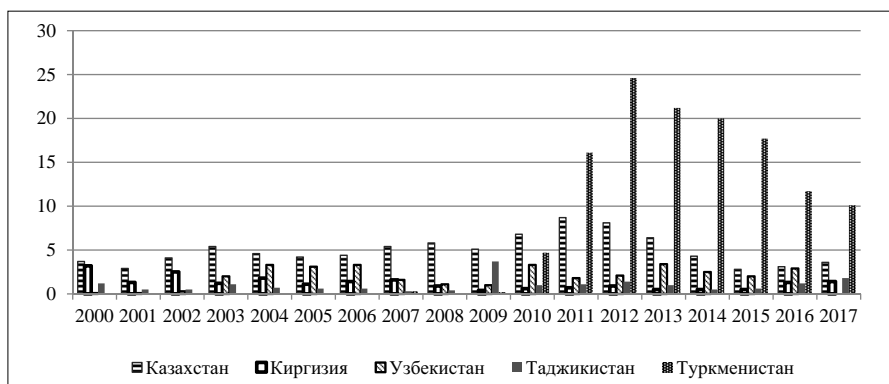
4. The construction of the Economic Belt along the Great Silk Road will be the driving force for comprehensive cooperation in Eurasia. Xinhua News Agency, October 24, 2013.

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data (<http://comtrade.un.org/>); Worldbank (<http://www.worldbank.org/>).

Рис. 2. Динамики импорта стран ЦА из КНР, в % к ВВП

Картина по динамике экспорта из стран ЦА в Китай (рис. 3) еще нагляднее иллюстрирует спад объемов после 2012 г.

Источник: расчеты по данным UN Comtradedata (<http://comtrade.un.org/>); Worldbank (<http://www.worldbank.org/>).

Рис. 3. Динамика экспорта стран ЦА в Китай, в % к ВВП

Такое развитие событий можно объяснить двумя очевидными причинами, а также выдвинуть ранее не исследованную в научной литературе гипотезу о качественно новом состоянии экономического сотрудничества между государствами ЦА и КНР после приобретения Китаем значительных активов в этих странах, а также начала выноса туда китайских производств.

Бесспорно, часть падения товарооборота явилась следствием значительного снижения в 2014–2015 гг. мировых цен на сырье – важную статью экспорта стран ЦА в Китай. Крайне негативно на объемах импорта стран ЦА из Китая сказалась проведенная во всех странах девальвация национальных валют. Действие этих двух факторов привело к падению товарооборота стран ЦА с КНР и несколько улучшило позиции России в регионе⁵(табл. 2). Если обратиться к последним данным внешнеторговой статистики, можно убедиться, что развитие торговых отношений стран ЦА с Китаем, а также ЦА и России демонстрируют появление новых тенденций (табл. 2).

Таблица 2. Торговля стран ЦА с Китаем и Россией, % к валовому экспорту/импорту товарной группы

Показатель	2001	2008	2012	2017
Экспорт сельхозпродукции в Китай	1,0	1,0	2,9	5,8
Экспорт сельхозпродукции в Россию	50,1	20,4	8,7	11,0
Сырьевой экспорт в Китай	6,0	9,6	24,8	10,4
Сырьевой экспорт в Россию	12,4	6,0	5,1	7,7
Экспорт готовой продукции* в Китай	1,4	5,8	23,1	27,4
Экспорт готовой продукции* в Россию	40,0	27,8	31,7	26,4
Импорт сельхозпродукции из Китая	4,7	7,6	8,0	7,1
Импорт сельхозпродукции из России	24,0	18,9	17,0	19,2
Сырьевой импорт из Китая	2,2	14,0	13,7	12,0
Сырьевой импорт из России	50,9	53,5	54,8	59,2
Импорт готовой* продукции из Китая	3,5	18,0	23,7	21,5
Импорт готовой* продукции из России	28,3	23,4	24,1	31,0
Импорт продукции легкой промышленности из Китая	10,3	82,3	64,1	46,4
Импорт продукции легкой промышленности из России	27,9	23,0	22,4	24,1

* Готовая продукция: пищевая промышленность; химическая промышленность, пластмасса, резина, каучук; легкая промышленность; машины и оборудование; транспорт и оборудование; аппараты, инструменты, различное оборудование; оружие и боеприпасы; их части и принадлежности; различные промышленные товары.

Источники: расчеты по The International Trade Centre. Trade statistics for international business development. «Bilateral trade between Central Asian Republics and China, 2001–2017»; «Bilateral trade between Central Asian Republics and Russian Federation, 2001–2017» (<https://www.trademap.org/>); UN Comtrade Database (<https://comtrade.un.org/>).

5. В своих прежних работах мы рассматривали поворот в торговле постсоветских стран от России к Китаю, где, сравнивая 2000 и 2012 г., отмечали многократное увеличение доли Китая в товарообороте в целом, а также в экспорте и импорте отдельных товарных групп, см., в частности, (Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А., 2016).

Доля сырьевого экспорта в Китай, которая в общем объеме экспорта сырья из ЦА составляла в 2012 г. почти четверть, к 2017 г. сократилась до 10,4%. Объемы экспорта готовой продукции из ЦА в Китай и Россию почти выровнялись, составив 27,4 и 26,4% соответственно. Стабильный рост за рассматриваемый период сохранили экспортные поставки сельхозпродукции из ЦА в Китай (5,8% в 2017 г.) и в Россию (11% в 2017 г.).

Если же посмотреть на динамику импорта в ЦА из Китая и России, то, по сравнению с 2012 г., в 2017 г. поставки агрегированной готовой продукции сократились с 23,7 до 21,5% от общего объема экспортной группы. По импорту в ЦА товаров легкой промышленности лидерство Китая сохраняется, однако стоимостные объемы существенно сокращаются. В 2008 г. 82,3% товаров легкой промышленности импортировались в регион из Китая, в 2012 г. это уже 64,1%, а в 2017 г. — только 46,4%.

Отталкиваясь от приведенных данных, можно было бы сделать вывод, что активность внешней торговли Китая со странами ЦА постепенно идет на спад. Однако это не только не соответствует действительности, но и противоречит динамике реализации стратегии ОПОП в регионе, которая лишь набирает обороты.

На наш взгляд, отрицательная динамика торговли Китая с ЦА по ряду товарных групп может быть объяснена тем, что присутствие Китая в регионе перешло на качественно новый уровень. Теперь значительным потокам товаров из Китая и сырьевым ресурсам из ЦА не нужно физически пересекать границы, что подтверждается анализом неторговых каналов проникновения китайского капитала на территорию стран ЦА.

2. Неторговые каналы проникновения китайского капитала в регион

Второй канал проникновения Китая в регион связан с приобретением китайскими хозяйствующими субъектами в собственности национальных факторов производства стран ЦА [Сенюк Н.Ю., 2012].

Еще в июле 2009 г. премьер Госсовета Китайской Народной Республики Вэнь Цзябао заявил: «Мы должны ускорить реали-

зацию нашей стратегии «Идти вовне» и объединить процессы использования валютных резервов и выхода наших предприятий на зарубежные рынки”⁶.

По состоянию на июнь 2018 г. золотовалютные резервы Китая составляют 3,1 трлн долл., что в 2,5 раза больше, чем у Японии (1,2 трлн долл.) и в 56 и 74 раза больше, чем у Европейского центрального банка и США соответственно. Имеющихся у Китая запасов достаточно для покрытия импорта страны в течение более чем 20 месяцев⁷, а также обеспечения всех непогашенных краткосрочных обязательств [Xin Z., 2016].

Наличие огромных золотовалютных резервов – это не только преимущество страны, но и риск их потери ввиду нестабильности современной валютно-финансовой системы, сохраняющегося в ней господства доллара, а также один из инфляционных факторов. По мнению международных экспертов, «разумный размер валютных резервов КНР должен составлять около 2 трлн долл., учитывая масштабы импорта страны, размеры ее внешнего долга и агрегата M2, а также реализуемые Китаем международные стратегии»⁸. Таким образом, современный Китай имеет объективную возможность, а также заинтересованность использовать значительную часть накопленных золотовалютных резервов в интересах развития. Власти взяли курс на активное использование золотовалютных резервов в рамках стратегии «Идти вовне» и инициативы «Пояс и Путь» путем наращивания прямых зарубежных инвестиций, оказания финансовой помощи китайским компаниям, работающим на зарубежных рынках.

Реальные масштабы инвестиции Китая в ЦА оценить сложно, так как значительная доля вложений приходится на офшорные сделки⁹. Существуют косвенные данные и свидетельства СМИ, согласно которым многие инвестиции, пришедшие в ЦА из офшоров и связанные с крупными сделками, прежде всего в сфере добы-

6. China's «going-out» strategy\ The Economist\ July 21, 2009.

7. Безопасным принято считать запас, обеспечивающий покрытие шестимесячного объема импорта страны.

8. Bullet: China Press: A reasonable size for China's FX... \ Market News Intl Fixed Income Bullets\ February 29, 2016.

9. Там же.

чи сырья, имеют китайское происхождение¹⁰. По данным Heritage Foundation, только с 2005 по 2017 г. Китай приобрел доли в нефтегазовых, угольных, металлургических, транспортных, строительных, финансовых компаниях ЦА на сумму 20,6 млрд долл.¹¹

Основная сумма этих вложений пришлось на Казахстан (18,4 млрд долл.). Китайскими корпорациями были приобретены полностью компании Caspian Nature Resources (нефть), KoZhan (нефть). Была выкуплена значительная доля в энергетических компаниях (Petro Kazakhstan, Tarbagatay Munay, Mateng Petroleum, Caspian Investment Resources), в банке Halyk Bank (60%), в строительной Darnak (70%), металлургической Kazakhmys (49%) и др.¹²

Согласно данным Международного энергетического агентства (International Energy Agency), уже к 2010 г. доля Китая в акционерном капитале нефтедобывающих предприятий Казахстана оценивалась на уровне 23% [Jiang J., Sinton J., 2011]. И уже тогда Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation, CNPC) решала, выгодно ли ей отправлять нефть из Казахстана в Китай (используя введенные в строй участки нефтяного трубопровода Казахстан–Китай) или лучше продавать ее через свои дочерние компании на международных рынках, в случае если этот вариант был более выгодным¹³[Jiang J., Sinton J., 2011]. Следовательно, в результате использования различных торговых схем, в том числе тех, при которых продукция реализуется через дочерние предприятия и физически не пересекает границы Китая, показатели взаимной торговли, действительно, должны снижаться. Сказанное подтверждает нашу гипотезу о том, что реальное участие китайского капитала в развитии Казахстана существенно выше, чем свидетельствует официальная статистика.

Наиболее крупными приобретениями Китая в остальных странах ЦА в 2005–2017 гг. стали покупки долей в киргизской

10. Там же.

11. Worldwide Chinese Investments & Construction (2005 - 2017). China Global Investment Tracker by Heritage Foundation, URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>.

12. Там же.

13. Китайское руководство было вынуждено прибегнуть к налоговому стимулированию поставок в КНР ресурсов, добытых на территории третьих стран китайскими предприятиями.

New Continental Oil&Gas (60%), таджикском золотодобывающем «Zarafshan» (75%). Традиционно информация по Туркменистану является наиболее закрытой, однако известно, что CNPC, начавшая работу в республике в 2002 г., в 2014 г. инвестировала 600 млн долл. в энергетику. Возможно, речь идет об инвестициях в строительство комплекса объектов на месторождении Галкыныш. В Узбекистане за рассматриваемый период китайской «Baiyin Non-Ferrous, CITIC&Chang Xin» за 190 млн долл. было приобретено 60% в капитале металлургического комбината Oхus, а в 2017 г. CNPC приобрела 50% Uzbekneftegaz¹⁴.

Особо отметим, что крупнейшие инвесторы в регионе, такие как CNPC и Sinores, согласно китайской государственной системе бюрократических рангов, имеют министерский уровень значимости. А крупнейшие банки, финансирующие большую часть проектов ОПОП – Китайский банк развития и Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк) [Jiang J., Sinton J., 2011], фактически являются государственными и действуют в рамках заданного официальными властями политического курса.

Таким образом, приобретение в собственность долей ключевых национальных компаний ЦА стало вторым каналом проникновения Китая в регион, облегчившим появление новых каналов.

Третьим каналом проникновения можно считать огромные для региона вложения Китая в строительные контракты, не связанные с приобретением доли собственности в активах стран ЦА и заключенные с китайскими компаниями, осуществляющими проекты в таких сферах, как сельское хозяйство, металлургия, энергетика, строительство объектов недвижимости и инфраструктуры, коммунальное хозяйство. С 2005 по 2017 г., по данным Heritage Foundation, их общая сумма составила 28,7 млрд долл.¹⁵

Развитие транспортной инфраструктуры, обеспечивающей грузоперевозки из Китая в Европу, – одна из приоритетных задач китайской инициативы «Пояс и Путь». Несмотря на то что объемы китайских сухопутных грузоперевозок пока несопоставимы с перевозками по морю, данные за 2017 г. по транспортным предприяти-

14. Worldwide Chinese Investments & Construction (2005–2017). China Global Investment Tracker by Heritage Foundation, URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>.

15. Там же.

ям Китая свидетельствуют о росте грузооборота железнодорожного транспорта на 13,3%, автотранспорта – на 8,9% при росте общего грузооборота на 5,9%.

На сегодняшний день лидером по уровню развития транспортно-логистической инфраструктуры и объемам китайского транзита в регионе ЦА является Казахстан. В 2017 г. в сухопутном транзите грузов из Китая в Европу на трансказахстанские маршруты пришлось около 70%. И если в 2011 г. Казахстан мог обеспечить транзит китайских грузов в Европу в объеме 1 тыс. ДФЭ, то уже в 2015 г. это было 47,4 тыс., в 2016 г. – 105 тыс., а в 2017 г. – 201 тыс. ДФЭ [Тураева М.О., 2018].

Неудивительно, что наибольшие вложения Китая в развитие транспортной инфраструктуры ЦА были осуществлены именно в Казахстане – общий объем контрактов в 2005–2017 гг. превысил 12 млрд долл. Стоимость контрактов на развитие инфраструктуры, подписанных за тот же период с остальными странами ЦА, составила: в Киргизии – 3,9 млрд долл., в Таджикистане – 1,3 млрд, в Туркменистане – 6,2 млрд, в Узбекистане – 4,7 млрд долл.¹⁶

Однако важны не только объемы реализуемых контрактов, но и их условия, детали, в которых, как известно, всегда скрывается дьявол. С прозрачностью информации по китайским инвестициям в регионе существует немало проблем. На каких условиях подписываются контракты? Как они финансируются? Какие обязательства берут на себя стороны? Формат осуществления этих вложений зачастую также не озвучивается. В полной мере ответы на эти вопросы, особенно по условиям, на которые соглашаются страны, в открытых источниках найти невозможно, приходится не только нам¹⁷ опираться на ту информацию, которая публикуется в СМИ. Проведенный анализ позволяет предположить, что, предоставляя странам

16. Worldwide Chinese Investments & Construction (2005–2017). China Global Investment Tracker by Heritage Foundation, URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>.

17. Американские исследователи Hurley J., Morris S., Portelance G., рассуждая, насколько страны, связанные с КНР финансовыми обязательствами по инфраструктурным проектам ОПОП, подвергнуты рискам банкротства, отмечают, что вынуждены собирать основную часть информации из публикаций СМИ. Уровень прозрачности вокруг финансирования проектов ОПОП достаточно низкий, большинство проектов остаются непроверенными, как следствие – существует значительный риск неточности [9, С.25].

льготные кредиты¹⁸, китайская сторона все чаще настаивает на заключении т.н. EPC-контрактов.

В основе соглашения типа EPC лежит сосредоточение трёх элементов процесса, а именно проектирования (Engineering), закупки оборудования (Procurement) и строительства (Construction), в руках EPC-контрактора – генерального подрядчика, каковым все чаще в практике сотрудничества стран ЦА и Китая выступают китайские компании. Заказчик фиксирует в договоре финансово-правовую ответственность подрядчика в части озвученных строительных этапов, а затем получает проект «под ключ», практически не осуществляя непосредственного контроля и управления. Договоры с субподрядными организациями заключает тоже исполнитель. Но если у EPC-контрактора имеется достаточная квалификация, персонал и необходимое оборудование (а все это у китайской стороны есть), то он может выполнять работы и без привлечения сторонних субподрядных организаций. В этом случае китайские компании становятся EPC-контракторами полного цикла¹⁹.

Такая схема взаимоотношений получила широкое распространение при реализации в ЦА крупных инфраструктурных (энергетических, транспортных, строительных, промышленных) проектов. Заключение именно EPC-контрактов – типичная практика CNPC и ее дочерних предприятий при работе с компаниями нефтехимического профиля на пространстве ОПОП.

EPC-контракт лежит и в основе соглашения CNPC с Газпромом, где подрядчиком работ является China Petroleum Pipeline – трубопроводное бюро CNPC²⁰. Данная схема применена CNPC с Туркменгазом при разработке газового месторождения Галкыныш и строительстве туркменской части газопровода «Центральная Азия – Китай»²¹.

18. Долгосрочные кредиты, по относительно невысокой стоимости, с льготным периодом погашения.

19. : <https://finswin.com/projects/dokumenty/epc-kontrakt.html>.

20. «Газпром» и CNPC подписали EPC-контракт на строительство подводного перехода «Силы Сибири». 04.09.2016 (<http://www.gazprom.ru/press/news/2016/september/article282835/>).

21. CNPC and Turkmengaz ink an agreement on boosting natural gas shipments to China and a gas field EPC contract. 06.09.2013 (<http://killeasing.com/en/nr2013/201309/1b81b6a8106947d4a1c55b6699a9d03d.shtml>).

Можно предположить, что вложения CNPC в ЦА в 2005–2017 гг. (контракт с Kazakhstan Petrochemical²² на сумму 1,3 млрд долл. и контракты CNPC в Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане на общую сумму 10,5 млрд долл.) также оформлены в виде ЕРС-контрактов, которые были заключены на государственном уровне с одновременным подписанием кредитных соглашений.

Косвенно наш тезис о формате контрактов подтверждается исследовательским корпусом азиатской финансовой группы DBS, который приводит данные, согласно которым в последние годы в рамках ОПОП Китай все больше предпочитает использовать в проектах формат ЕРС-контракта. В свою очередь, страны, поддерживавшие ОПОП, предлагают все больше бизнес-возможностей для китайских строительных компаний, выступающих генеральными подрядчиками по этим контрактам. По данным DBS, только в 2016 г. китайские подрядчики подписали более 8 тыс. зарубежных контрактов в странах ОПОП. Общая стоимость новых глобальных инфраструктурных проектов по ОПОП составила около 1,05 трлн долл. Из них 978 млрд долл. (92,9%) пришлось на развивающиеся страны, а энергетический и транспортный сегменты составили соответственно 37,1% и 28,7% от общей стоимости новых контрактов [Miu R., Chong T-S, Leung C., 2017].

Четвертым каналом проникновения Китая в Центрально-Азиатский регион является практика предоставления странам ЦА и их компаниям кредитных ресурсов.

Согласно данным открытых источников, в 2017 г. доля Китая во внешнем государственном долге Казахстана²³ достигла 10% (4,1 млрд долл.²⁴), Киргизии – 41,7% (1,7 млрд долл.²⁵), Таджикистана – 41,4% (1,2 млрд долл.²⁶). Для общего анализа уровня внешней задолженности стран ЦА обратимся к данным Всемирного банка (табл. 3).

22. Полный цикл проектирования, закупок и строительства интегрированного газохимического комплекса в Атырауской области.

23. Данные за 3-й квартал 2017 г.

24. Национальный банк Казахстана (<http://www.nationalbank.kz>).

25. Министерство финансов Кыргызской Республики (<http://www.minfin.kg>).

26. Министерство финансов Республики Таджикистан (<http://minfin.tj>).

Таблица 3. Показатели внешнего и внешнего государственного долга стран ЦА, 2008–2016 гг., %

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Отношение внешних долговых обязательств к ВНД									
Казахстан	93,5	106,9	92,6	75,4	75,3	70,8	79,3	88,7	135,1
Киргизия	73,5	91,4	91,7	99,0	93,6	98,4	101,4	117,0	125,3
Таджикистан	48,8	54,3	51,1	47,2	47,4	43,6	45,3	53,3	59,7
Туркменистан	40,5	35,4	25,6	17,2	15,8	14,1	10,2	11,8	14,8
Узбекистан	16,2	20,3	19,3	17,4	16,9	17,5	20,2	21,7	23,8
Отношение государственного долга к ВНД									
Казахстан	1,7	2,4	3,0	2,8	4,1	5,8	7,6	11,6	17,7
Киргизия	39,8	51,4	54,4	47,3	44,1	42,6	45,1	52,9	56,7
Таджикистан	26,9	32,7	25,9	23,7	20,5	18,1	17,8	20,8	22,8
Туркменистан	32,2	24,4	17,4	10,1	8,5	7,8	6,6	6,9	6,8
Узбекистан	10,2	9,5	8,4	7,9	7,4	7,2	8,4	9,5	10,8
Доля государственного долга во внешнем долге									
Казахстан	1,8	2,3	3,2	3,8	5,5	8,2	9,6	13,1	13,1
Киргизия	54,1	56,3	59,3	47,7	47,1	43,3	44,5	45,3	45,2
Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Таджикистан	55,1	60,2	50,7	50,1	43,3	41,4	39,4	39,1	38,2
Туркменистан	79,4	69,0	67,9	58,4	53,7	55,4	64,0	58,1	46,3
Узбекистан	62,9	46,5	43,9	45,3	43,7	41,0	41,8	43,9	45,7

Источник: рассчитано по The World Bank Statistics. DEBT DATA. 2018 International Debt Statistics (<http://datatopics.worldbank.org/debt/ids/>).

Скорее всего, цифры по Узбекистану и Туркменистану носят оценочный характер, тем не менее на основе данных таблицы можно сделать определенные выводы. С 2008 по 2016 г. совокупный внешний (государственный и негосударственный) долг по отношению к ВНД вырос: в Казахстане с 93,5 до 135,1%, в Киргизии – с 73,5 до 125,3%, в Таджикистане – с 48,8 до 59,7%, в Узбекистане – с 16,2 до 23,8%. В Туркменистане этот показатель упал с 40,5 до 14,8%.

Мы предполагаем, что отчасти рост совокупного внешнего долга по сравнению с ВНД в Казахстане и Киргизии мог произойти в том числе из-за значительного владения национальными активами иностранными собственниками, а также из-за применения схем уменьшения налогооблагаемой базы. К примеру, по данным Национального банка Казахстана на конец III квартала 2017 г. 62,3% внешнего долга республики приходилось на межфирменную задолженность (прямые инвестиции). Доля внешнего государственного долга при этом растет значительно медленнее.

Что касается Туркменистана, то столь заметное уменьшение объема внешней задолженности скорее всего свидетельствует о ненадежности предоставляемых республикой данных, поскольку известно о крупных китайских инвестициях в размере порядка 17% ВВП, не связанных с приобретением собственности (так, CNPC вложила в газовый сектор республики 6,2 млрд долл.). Как показывает анализ, официальные структуры Туркменистана нередко распространяют сведения, которые противоречат источникам, на которые они же ссылаются [Тураева М.О., 2017].

Доля государственного (в т.ч. гарантированного государством) долга в структуре совокупного внешнего долга за рассматриваемый период выросла в Казахстане с 1,8 до 13,1%. В остальных республиках ЦА этот показатель снизился: в Киргизии – с 54,1 до 45,2%, в Таджикистане – с 55,1 до 38,2%, в Туркменистане – с 79,4 до 46,3%, в Узбекистане – с 62,9 до 45,7%.

Рост задолженности резидентов республик перед внешними кредиторами свидетельствует об увеличении объемов иностранного, в значительной мере китайского, заемного капитала. В настоящее время частный бизнес стран ЦА может напрямую обратиться в китайские банки с запросом на получение кредита, самостоятельно найдя китайского ЕРС-контрактера, который станет подрядчиком будущего проекта. Кредиты предоставляются такими китайскими банковскими гигантами, как Китайский банк развития и Эксим-банк. Эту практику можно рассматривать в качестве меры поддержки Китаем своих национальных предпринимателей, которые таким образом привлекаются к участию в ОПОП.

Технически в ряде случаев процесс получения кредитов упрощается открытием китайскими финансовыми институтами кредитных линий в странах-получателях. Тогда национальные заемщики привлекают китайских ЕРС-контрактеров, получая кредиты в местных банках с открытой кредитной линией от КНР.

На сегодняшний день у республик ЦА накоплен определенный опыт разрешения проблем задолженности перед Китаем. В ряде случаев КНР долги списывала, реструктуризировала, переводила в безвозмездные гранты, получая в обмен права аренды или приобретения в собственность стратегически важных месторождений. Так, на основе договоренностей, достигнутых между Таджи-

кистаном и Китаем, последнему в обмен на строительство ТЭЦ «Душанбе-2» китайской ТВЕА было передано золоторудное месторождение Верхний Кумарг²⁷. В счет долга Таджикистан уступил Китаю в 2011 г. 1,2 км² своей территории.

Как видно из приведенных выше данных, большую задолженность Китаю накопила Киргизия. Руководство страны до последнего времени рассчитывало на «проявление доброй воли» Китая в этом вопросе, но натолкнулось с весны 2018 г. на решительные требования Пекина своевременно погашать задолженность. В свете громкого коррупционного расследования, связанного с использованием китайского кредита в размере 386 млн. долл. на модернизацию ТЭЦ г. Бишкека, по итогам которого были заведены уголовные дела на киргизских чиновников высокого ранга, включая экс-премьер министра²⁸, руководство страны заявило о том, что никогда не пойдет по таджикскому пути и будет погашать задолженность перед Китаем только в денежной форме.

В каждом конкретном случае судьбу задолженности стран ЦА перед Китаем до сих пор предопределяла экономическая дипломатия. И пока Китай не перешел к более активному политическому вмешательству в судьбы стран, вошедших в ОПОП, решения по проблемным кредитам стран-должников будут приниматься по итогам переговоров, формат которых, вероятнее всего, будет закрытым для общественности. Но уже сегодня очевидно, что позиция Китая по этим вопросам становится все более жесткой. В частных беседах китайские официальные лица высказывают опасения потерять до 30% инвестиций в ЦА [Kynge J., 2016]. Китайский экономист П. Цай цитирует директора по инвестициям одного из крупнейших в Китае государственных финансовых учреждений, который, якобы, заявил: «Везде, где мне будут приказывать инвестировать в страны ЭПШП, я буду выделять минимальные суммы» [Cai P., 2017].

27. Таджикистан расплатился с Китаем за строительство ТЭЦ золотым рудником. 17.04.2018. URL: <https://ru.sputnik.kg/asia/20180417/1038699880/tadzhikistan-tbea-kitay-mestorozhdenie-dolg.html>.

28. Если Кыргызстан отдаст Китаю стратегические месторождения, это станет козырем оппозиции. 06.06.2018. URL: <http://eurasia.expert/esli-kyrgyzstan-otdast-kitayu-strategicheskie-mestorozhdeniya-eto-stanet-kozyrem-oppozitsii-ekspert/>.

3. Перенос китайских производств в страны ЦА

Практика переноса Китаем своих производств на территорию других стран – явление относительно новое, затронувшее на постсоветском пространстве Казахстан и Киргизию.

Разработанная властями Казахстана и Китая Программа переноса производственных мощностей из КНР включает 51 инвестиционный проект в рамках казахстанско-китайского индустриально-инвестиционного сотрудничества на общую сумму 27 млрд долл. К середине 2017 г. в рамках этой Программы было реализовано 3 проекта на общую сумму 46 млн долл.

1. В Павлодарской области в 2015 г. открыто производство порошкового полипропилена (ТОО «Компания Нефтехим LTD», Xinjiang Sanbao, сумма инвестиций составила 12 млн долл.).

2. В Костанайской области в 2015 г. реализован первый этап проекта по производству автомобилей марки «JAC» методом крупноузловой сборки (ТОО «СарыаркаАвтоПром», JAC Motors, СМС, сумма инвестиций – 15 млн долл.). В 2015 г. было произведено 700 автомобилей. В 2016 г. началась реализация второго этапа проекта – производство автомобилей марки JAC методом мелкоузловой сборки, что должно увеличить казахстанскую национальную составляющую в производстве данного автомобиля до 50%.

3. В Северо-Казахстанской области в 2016 г. открыто производство рапсового масла (ТОО «Тайынша Май», Xi'An Aiju Oil and Grain Co.Ltd., сумма инвестиций – 19 млн долл.).

В руководстве Казахстана утверждают, что проекты переноса будут и более масштабными, и более инновационными. Среди наиболее крупных и значимых проектов министерство экономического развития РК называет:

- строящийся в Алматы завод ТОО «Asia Steel Pipes Corp» по производству стальных сварных труб большого диаметра мощностью 150 тыс. тонн, который позволит обеспечить потребности не только казахстанского нефтегазового сектора, но также и рынков ЕАЭС, ЦА, Ирана и Кавказа;
- строительство медеплавильного завода АО «Kaz Minerals» в Восточно-Казахстанской области мощностью до 300

000 тонн меди в год. Проект должен помочь Казахстану стать крупным медеплавильным хабом;

- ввод в строй второй очереди электролизного завода для производства первичного алюминия. Этот проект позволит перерабатывать до 85% всего добываемого в Казахстане глинозема, который в настоящее время вывозится в виде сырья. Сюда же можно отнести создание интегрированного газохимического комплекса, который позволит производить до 500 тыс. тонн полипропилена в год.

«Из 51 совместного казахстанско-китайского проекта в рамках индустриально-инвестиционного сотрудничества в 42 проектах казахстанская сторона выступает мажоритарным акционером, по 23 проектам китайская сторона выступает лишь в качестве подрядчика или поставщика оборудования, при этом покупатель будет получать услуги или оборудование по сниженным ставкам», — говорится в сообщении Министерства экономического развития Казахстана²⁹.

Для финансирования проектов создан совместный фонд «Шелковый путь» с капитализацией в 2 млрд долл. Фонд администрируется совместно Казахстаном и Китаем. Новые производства будут создаваться практически во всех регионах Казахстана, однако так и не ясно, какие китайские компании и на каких условиях будут участвовать в совместных проектах, на какие сроки и как именно будут поступать в страну озвученные руководством Китая и Казахстана 26 млрд долл. китайских инвестиций.

Целесообразность для Китая переноса в регион ЦА замкнутых производственных циклов объясняется рядом причин, прежде всего необходимостью борьбы с кризисом перепроизводства, возникшим в результате переинвестирования экономики в годы мирового финансового кризиса, а также замедления темпов экономического роста в последние годы. По оценкам экспертов, перепроизводство в сталелитейной промышленности КНР сегодня превышает весь объем производства стали в Японии, США и Германии вместе взятых. Консалтинговая компания Rhodium

29. Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан. URL:<http://mid.gov.kz/ru/kategorii/vystupleniya-i-doklady>.

Гроуер подсчитала, что мировое производство стали выросло с 2005 по 2014 г. на 57%. На 91% прирост обеспечен китайскими предприятиями³⁰.

Второй мотив реализации такой стратегии – постоянно растущие в стране производственные затраты, что связано прежде всего с ростом стоимости рабочей силы. За последние 15 лет, особенно после объявления внутреннего потребления важнейшим источником экономического роста, при существенных различиях по отдельным отраслям и даже типам компаний, расходы на заработную плату в Китае выросли примерно в 6 раз (табл. 4). И если в 2003 г. средняя почасовая оплата труда рабочих на китайских промышленных предприятиях составляла 0,62 долл., а в 2008 г. – 1,32 долл., то в 2013 г. она достигла уже 2,2 долл. На более сложных производствах платить, соответственно, приходится больше. В поисках дешевой рабочей силы китайские предприятия уже который год активно развиваются за рубежом.

Таблица 4. Средняя заработная плата наемного рабочего в городских районах Китая, в юанях

Типы компаний	2000	2005	2010	2015
Иностраннные компании	15692	23625	41739	76302
Акционерные общества	11105	20272	44118	72644
Государственные компании	9441	18978	38359	65296
Компании из Гонконга, Макао, Тайваня	12210	17833	31983	62017
Кооперативы	7479	13808	30271	60369
Общества с ограниченной ответственностью	9750	17010	32799	54481
Совместные предприятия	10608	17476	33939	50733
Другое	9888	11230	25253	46945
Компании в коллективной собственности	6241	11176	24010	46607
Средняя по предприятиям	9333	18200	36539	62029

Источник: National Bureau of Statistics of China URL: <http://www.stats.gov.cn/eNgliSH/>.

Таким образом, перенос на постсоветское пространство производственных мощностей среднего и более высокого уровня сложности, а также предприятий из СУАР, где цена рабочей силы одна из самых высоких в Китае, представляет для китайских компаний большой интерес, особенно в строительной отрасли и маши-

30. Следствие перепроизводства в Китае URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XutT2X0NGis>.

ностроении, где затраты на рабочую силу в странах ЦА и России на сегодняшний день ниже, чем в Китае.

Путем переноса наиболее грязных производств из экологически неблагоприятных регионов в сопредельные государства Китай решает экологические проблемы, которые в последние годы стоят остро во многих провинциях КНР. По озвученным руководством страны планам, из провинции Хэбэй, окружающей Пекин, знаменитый в последние годы своим ужасающим смогом, к 2023 г. будут выведены производства мощностью в 20 млн тонн стали, 30 млн тонн цемента, ряд стекольных производств. По данным Департамента по охране окружающей среды провинции Хэбэй, именно сталелитейная, стекольная промышленность и производство цемента и электричества формируют 65% выбросов двуокиси серы и 61% выбросов дыма и пыли [Schubert J., 2006].

Стимулирует процесс переноса китайских производственных мощностей и стремление китайского государства и отдельных предпринимателей обойти торговые пошлины, которые накладывают некоторые страны в отношении китайских товаров, надеясь победить любителей демпинга из Поднебесной. Так, после того как в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) были повышены торговые пошлины, Китай столкнулся с тем, что теперь покупать его продукцию Казахстану стало не так выгодно, как прежде. В новых условиях перенос производств на территорию РК помогает сделать китайскую продукцию более привлекательной и для предпринимателей, которые прежде закупали ее в Синьцзяне, и для потребителей, приобретающих в таком случае более дешевую продукцию. Стимулирует процесс переноса производств и девальвация национальных валют стран ЦА, в результате которой импорт из Китая стал существенно дороже, что привело, как отмечалось выше, к сокращению китайского экспорта в регион в последние 3–4 года.

* * *

Стратегия освоения постсоветского пространства Китаем, развернувшаяся в начале нового тысячелетия, переросла в своего рода экспансию с неоднозначными для стран ЦА последствиями. Инвестиции Китая, бесспорно, региону нужны, однако они оборачиваются ростом долговой зависимости стран. Перенос произ-

водств и осуществление строительных контрактов сопровождается масштабным использованием китайской рабочей силы, что осложняет и так непростую ситуацию на рынке труда в регионе.

В условиях нестабильных цен на ресурсы — основного экспортного товара стран ЦА, нарастают дисбалансы в торговле с Китаем. Выигрыши от расширяющегося сотрудничества с очевидностью на стороне Китая. С помощью как традиционных, так и новых инструментов сотрудничества ему удастся смягчить целый ряд проблем внутреннего развития. Так, выкуп долей в собственности предприятий ЦА обеспечил страну необходимыми сырьевыми ресурсами. Вложения в транспортную инфраструктуру существенно ускоряют сроки доставки китайских товаров до основных рынков сбыта. Кредиты усиливают политическое влияние в регионе, связанные кредиты расширяют предпринимательские возможности для китайского бизнеса. Вынос производств позволяет уйти от возросших в результате вступления стран ЦА в ЕАЭС таможенных пошлин, выйти на более емкий рынок. Новые методы продвижения в страны ОПОП позволяют Китаю использовать собственную квалифицированную рабочую силу за рубежом, а также дешевую местную при разворачивании новых производственных мощностей.

И все же и в Китае далеко не все лица, принимающие решения, оптимистичны относительно достигнутых страной результатов разворачивания ОПОП на постсоветское пространство. По свидетельству китайского экономиста Ю. Чжан, в КНР «продолжается дискуссия о том, насколько рационально с экономической точки зрения вкладывать огромные деньги в проекты с низкой доходностью в странах с высоким уровнем рисков, особенно в случае масштабных инфраструктурных проектов. Есть очевидные опасения того, что некоторые страны будут использовать ЭПШП и подписываться под китайские проекты без намерения гасить предоставляемые им кредиты» [Cai P., 2017].

Открытым остается вопрос о том, в какой мере инвестиции вдоль ОПОП будут по своей природе политическими, т.е. обеспечивающими политическую лояльность реципиентов [Zhang X., 2016]. Многие бизнесмены и даже политики высказывают опасения, что политическая составляющая Экономического пояса шелкового

пути приведет Китай к тому, что он начнет инвестировать в проекты «Белых слонов» за рубежом.

Вопросов, действительно, остается много, риски, как Китай, так и стран ЦА, достаточно велики и трудно просчитываемы.

КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ОБЕЩАЮЩИЙ СТАРТ, СКРОМНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ТУМАННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Центрально-Восточная Европа в последнее десятилетие получила беспрецедентное внимание со стороны Китая. Когда в Западной Европе, сильно пострадавшей от мирового финансового кризиса и кризиса суверенных долгов в еврозоне, затянулась экономическая рецессия, Центрально-Восточной Европе удалось относительно быстро восстановить положительные темпы экономического роста, и регион превратился в важный объект китайских экономических инициатив и общей дипломатической активности КНР в Европе.

Важную роль в развитии отношений Китая с Центрально-Восточной Европой призван был сыграть многосторонний формат сотрудничества «16+1», основанный по инициативе Китая на совещании лидеров государств в Варшаве в 2012 г. Целью этой инициативы была активизация сотрудничества Китая с 16 странами ЦВЕ от Прибалтики до Балкан, как единой региональной группой, в области торговли, инвестиций, транспорта, финансов, науки, образования и культуры. Эта цель была зафиксирована в основополагающем документе саммита «12 мер Китая для поощрения дружественного сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы». Для финансового обеспечения сотрудничества было закреплено участие в проекте «16+1» Экспортно-импортного банка Китая и Китайского банка развития, которые непосредственно подчиняются Государственному совету КНР. К инициативе присоединились 11 стран ЦВЕ – членов ЕС (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Хорватия и Эстония) и пять стран Западных Балкан, готовящихся к вступлению (Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия и Черногория).

Инициатива «16+1» представляет собой часть китайского трансконтинентального экономического и геополитического видения – обновленной версии китайской политики «Идти вовне», целью которой является более глубокая интеграция страны в

мировую экономическую систему и в конечном итоге позиционирование Китая в этой системе в качестве лидера [Zeneli V., 2017]. Эта инициатива аналогична другим китайским стратегиям проникновения на внешние рынки, но одновременно она фактически стала одной из основных платформ для укрепления сотрудничества в рамках заявленной Китаем в 2013 г. инициативы «Пояс и путь», которая, как отмечалось ранее, должна способствовать экономической интеграции Китая, Азии и Европы путем улучшения инфраструктуры и расширения торговли и инвестиций. В рамках этой более широкой инициативы Европа становится одним из лучших направлений для китайского капитала, и в этом контексте страны ЦВЕ представляют собой потенциальный шлюз для дальнейшего усиления Китаем своего растущего экономического и политического влияния в Европе в целом.

При всей очевидности того, что инициатива «16+1» нацелена на создание возможностей для Китая направлять больше своих товаров, капитала, рабочей силы и услуг в Европу, она широко приветствовалась в странах ЦВЕ как основа для двусторонних и многосторонних проектов в торговле, инвестициях и транспортных сетях. Присоединяясь к инициативе, эти страны открывали для себя возможности за пределами проблемного рынка ЕС, от которого они чрезмерно зависят, и рассчитывали, что приток китайских ПИИ обеспечит создание новых рабочих мест и развитие инфраструктуры.

С момента создания формата «16+1» достигнут определенный прогресс в развитии диалога и сотрудничества между Китаем и остальными странами-участниками. Главы правительств вовлеченных в инициативу государств ежегодно проводят встречи³¹, и каждая из них приводит к заключению целого перечня соглашений. При этом китайские власти играют ключевую роль в разработке грандиозных планов сотрудничества и заключении новых сделок.

Обратимся к анализу торговых и инвестиционных отношений стран ЦВЕ и Китая по итогам семи лет высокой политической активности.

31. После первого, установочного саммита в Варшаве в 2012 г. саммиты проводились в Бухаресте в 2013 г., Белграде – в 2014 г., Сучжоу – в 2015 г., Риге – в 2016 г., Будапеште – в 2017 г. и Софии в 2018 г.

1. Торговые отношения

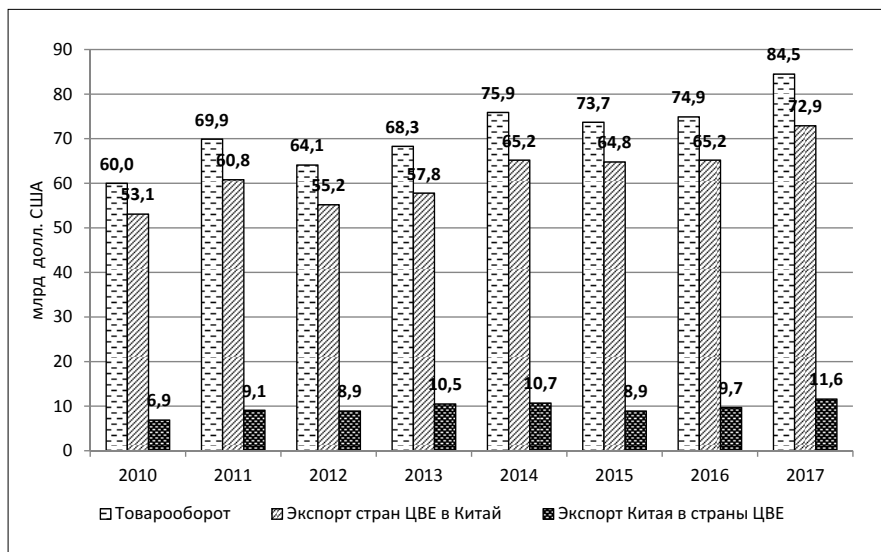
Китай и Центрально-Восточная Европа никогда не были друг для друга ведущими торговыми партнерами. Во внешней торговле стран ЦВЕ на Китай стабильно приходится около 5% товарооборота, а доля этих стран в китайской внешней торговле хотя и повысилась за последние годы, но все еще находится на уровне ниже 1,7%.

На торговлю Китая с 16 странами ЦВЕ приходится лишь немногим более 10% всей китайско-европейской торговли. Однако новейшие тенденции свидетельствуют о значительном потенциале увеличения этой доли. Несмотря на то что темпы роста торговли между Китаем и странами ЦВЕ из-за подверженности влиянию волатильности мирового рынка не вполне стабильны (в некоторых странах наблюдаются достаточно большие колебания), в целом товарооборот имеет положительную динамику и растет намного быстрее, чем торговля между Китаем и Европой в целом. В 2017 г., когда объем торговли между Китаем и западноевропейскими странами сократился, товарооборот Китая с 16 странами ЦВЕ увеличился на 12,8% и достиг своего максимума в 84,5 млрд долл.³², сопоставимого с объемами товарооборота между Китаем и Россией. Это в 1,8 раза больше, чем в кризисном 2009 г. (47,7 млрд долл.), и на 31,6% больше, чем в 2012 г., когда была оформлена инициатива «16+1» (рис. 4). При сохранении сложившейся динамики торговли Китая со странами ЦВЕ ее объем достаточно быстро достигнет поставленной Китаем цели в 100 млрд долл.³³(рис. 4).

В торговле между Китаем и странами ЦВЕ преобладает китайский экспорт, объем которого в 2017 г. достиг рекордных 72,9 млрд долл. и обеспечил более 86% всего товарооборота. Экспорт стран ЦВЕ в Китай остается на низком уровне в 11,6 млрд долл., уступая по объему импорту из Китая в 7,7 раза. Соответственно, торговый баланс сильно смещен в пользу Китая. Преобладание в торговле стран ЦВЕ с Китаем китайского экспорта находит отражение и в доле Китая в общем объеме экспорта и импорта этих стран. В 2017 г. она в первом случае составила около 1,4%, во втором — 8,6%.

32. Здесь и далее данные по торговле приводятся по UN Comtrade.URL: <https://comtrade.un.org/data/>.

33. China's Twelve Measures for Promoting Friendly Cooperation with Central and Eastern European Countries. http://www.china-ceec.org/eng/ldrhw_1/2012hs/hdxw/t1410546.htm.

Источник: рассчитано по данным UN Comtrade. URL: <https://comtrade.un.org/data/>.

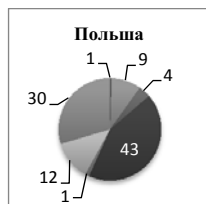
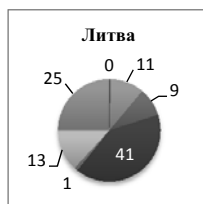
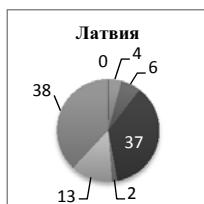
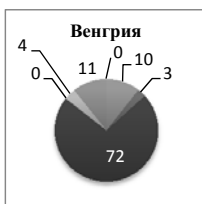
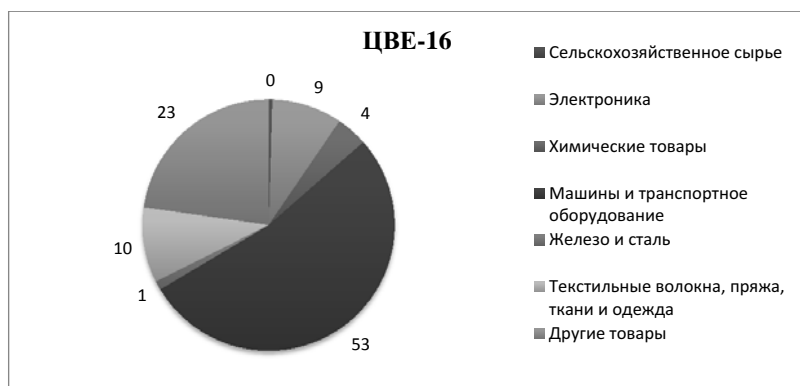
Рис. 4. Торговля между Китаем и странами ЦВЕ

В последние годы отмечается благоприятная тенденция более быстрого роста экспорта из Центрально-Восточной Европы в Китай, по сравнению с китайским экспортом в регион (в 2017 г. прирост на 19% и 12% соответственно), а также увеличения доли стран ЦВЕ на китайском рынке. Однако абсолютные показатели роста экспорта из стран ЦВЕ в Китай остаются намного ниже абсолютных показателей роста китайского экспорта в эти страны. В результате увеличение товарооборота между ними в 2011–2017 гг. было обеспечено в основном ростом китайского экспорта, и торговый дефицит Центрально-Восточной Европы в торговле с Китаем вырос на 34%. То есть складывающаяся ситуация аналогична имеющей место в торговом сотрудничестве Китая с государствами постсоветского пространства.

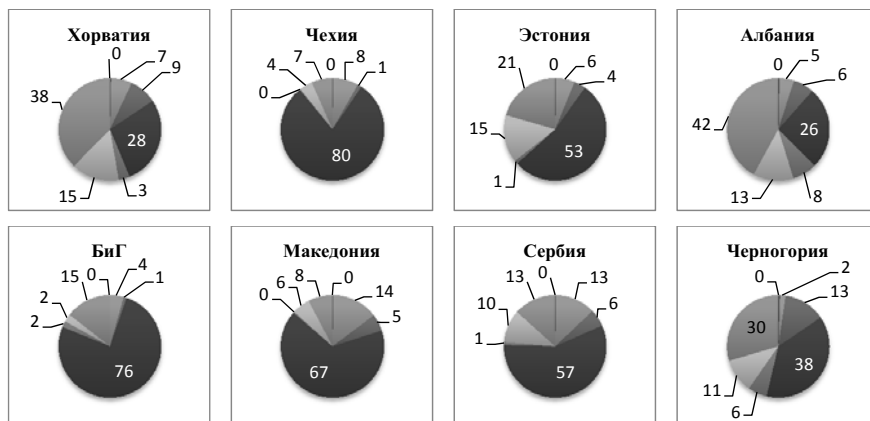
Более 85% торговли Китая с Центрально-Восточной Европой приходится на пять стран–членов ЕС – Польшу, Чехию, Венгрию, Словакию и Румынию. Что касается не входящих в ЕС стран Западных Балкан, имеющих маленькие и слаборазвитые рынки, объем торговли с ними в 2017 г. составил только 3,8 млрд долл. при еще большем смещении торгового баланса в пользу Китая, чем в странах

ЦВЕ – членах ЕС. Почти половина товарооборота между Китаем и странами Западных Балкан приходится на Сербию – стратегического партнера Китая на Балканах.

Китай экспортирует в восточноевропейские страны в основном машины и транспортное оборудование, электронику и оборудование связи, текстиль, а также химическую продукцию (рис. 5). На машины и транспортное оборудование приходится более половины от всего объема китайского экспорта в регион, доли текстильной продукции и электроники составляют примерно по 10%. Основная часть китайского экспорта представлена товарами с низкой или средней добавленной стоимостью [Jakóbowski J. et al., 2018].

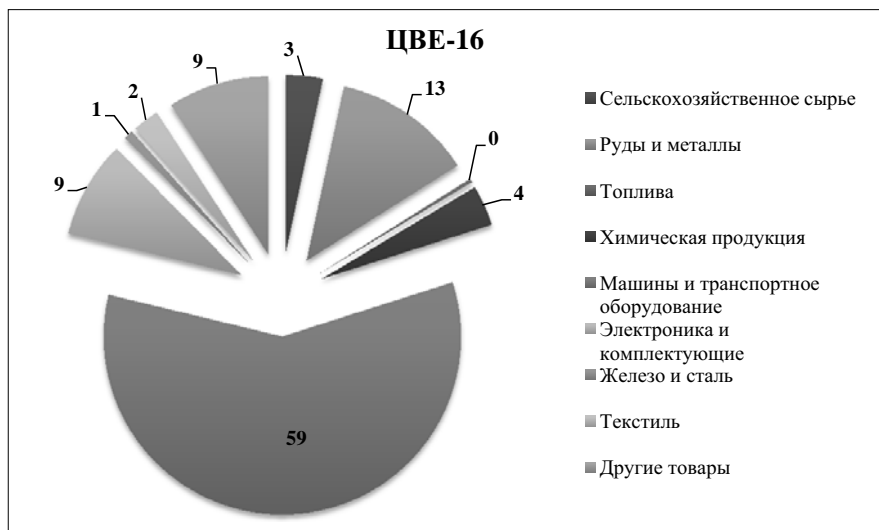
Китайская экспансия в Центрально-Восточной Европе:
обещающий старт, скромные результаты, туманные перспективы

Источник: рассчитано по данным UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds/.

Рис. 5. Товарная структура экспорта Китая в страны ЦВЕ в 2017 г., в %

Что касается экспорта из стран ЦВЕ в Китай, то он отражает китайские потребности в европейской готовой продукции, в основном машинах и транспортном оборудовании и электронике, а также в минеральном и сельскохозяйственном сырье (рис. 6).

Источник: рассчитано по данным UNCTADstat, unctadstat.unctad.org/wds/.

Рис. 6. Товарная структура экспорта из стран ЦВЕ в Китай в 2017 г., в %

В 2017 г. страны ЦВЕ поставили на китайский рынок машин и транспортного оборудования на сумму 6,6 млрд долл., что составило 56,8% от общего объема их экспорта в Китай. Подавляющую часть этих поставок обеспечили Венгрия (2,1 млрд долл., что составило 76,2% всего венгерского экспорта в Китай), Чехия (1,5 млрд долл., или 63,5% чешского экспорта в Китай), Словакия (1,2 млрд долл., или 89,2% словацкого экспорта в Китай) и Польша (0,7 млрд долл., или 31,5% польского экспорта в Китай). На долю электроники пришлось почти 2,3% объема экспорта из стран ЦВЕ в Китай. Стоимостной объем экспорта руд и металлов составил 1,2 млрд долл., а их доля в общем экспорте в Китай – 10,3%. Подавляющую часть поставок товаров этой группы обеспечили Польша (25,9% польского экспорта в Китай), Болгария (71,7%), Румыния (1,9%) и Албания (5,1%). На долю сельскохозяйственного сырья пришлось 5,6% от общего объема экспорта из стран ЦВЕ в Китай.

2. Китайские ПИИ как механизм проникновения

В Центрально-Восточную Европу китайские инвестиции начали поступать в заметном объеме после того, как большинство стран региона вступили в ЕС, а значительный рост их притока произошел после мирового финансового кризиса. Этому послужили два фактора. С одной стороны, китайские ПИИ и после начала кризиса продолжали расти для получения доступа к необходимым природным ресурсам и новым рынкам. С другой стороны, кризис отрицательно сказался на странах ЦВЕ и усилил их разочарование в евроинтеграции, вызванное более медленным, чем ожидалось, сближением по уровню дохода с Западной Европой. В поисках новых возможностей для развития страны обратили свои взоры к Востоку. Например, политика Венгрии «Открытие на Восток» стала проводиться именно после (и в результате) кризиса.

По-видимому, существуют следующие основные причины растущего инвестиционного интереса Китая к Центрально-Восточной Европе.

1. Центрально-Восточная Европа имеет стратегически идеальное географическое положение для проекта «Пояс и путь», кото-

рое позволяет значительно сократить время и снизить транспортные расходы на доставку китайских товаров в Европу.

2. Центрально-Восточная Европа с населением в 120 млн человек и растущим уровнем душевого дохода открывает новые рыночные возможности для Китая и тем самым усиливает свою привлекательность для китайских инвестиций.

3. Геополитическое положение Центрально-Восточной Европы, а именно членство большинства стран региона в ЕС, обеспечивает китайским компаниям, вошедшим на их рынки, доступ к рынку всего Евросоюза. Это позволяет Китаю расценивать регион как плацдарм для производства или сборки товаров с их последующей продажей во всех европейских странах.

4. Инвестиционные интересы Китая в Центрально-Восточной Европе могут быть связаны с текущими возможностями приватизации и участия в масштабных инфраструктурных проектах, а также с доступом к системе государственных закупок.

5. Китайская инвестиционная стратегия меняется в сторону повышения эффективности ПИИ, на которую в Центрально-Восточной Европе положительно влияют качественный человеческий капитал (крайне необходимый в производстве товаров для рынков развитых стран) и относительно низкие затраты на оплату труда. Поскольку стоимость рабочей силы в Китае растет, производители могут находить более выгодным местонахождение своих предприятий ближе к европейским рынкам назначения.

6. Центрально-Восточная Европа отличается либеральной торговой и инвестиционной средой, цены приобретений активов, включая землю, здесь ниже, чем в Западной Европе, имеются специальные экономические зоны, существует практика государственных инвестиционных стимулов и субсидий, китайским инвесторам делаются большие уступки, у инвесторов имеется возможность получения вида на жительство в обмен на определенный объем инвестиций.

7. У интереса Китая к Центрально-Восточной Европе, безусловно, есть и политическая подоплека. Становясь обладателем активов в странах ЦВЕ, Китай увеличивает не только свое экономическое, но и политическое влияние в регионе и таким образом укрепляет свои позиции в отношениях с ЕС [Zeneli V., 2016].

8. Наконец, немаловажное значение для Китая имеют хорошие политические отношения со странами ЦВЕ, их дружественные дипломатические жесты и готовность правительств к сотрудничеству [Drahokoupil J., 2017].

Увеличение потока китайских инвестиций в Центрально-Восточную Европу не только является одной из ключевых задач Китая, но и всячески приветствуется руководителями стран региона, однако реализация этой стратегии, несмотря на перечисленные конкурентные преимущества ЦВЕ, происходит медленнее, чем прогнозировалось в момент создания формата «16+1». Объем китайских ПИИ хотя и растет (табл. 5), но только в Венгрии превышает 1% ВВП. На долю стран ЦВЕ, по самым смелым оценкам, приходится лишь 2,7% китайских ПИИ в мировую экономику и около 8% китайских ПИИ в Европе, где их главными реципиентами являются крупнейшие развитые экономики – Великобритания, Германия, Италия и Франция.

Основной объем ПИИ в Центрально-Восточную Европу продолжает поступать из ЕС, а не из Китая, несмотря на то что для поддержки китайских инвестиций существует фонд Китая–ЦВЕ в размере 500 млн долл., а на Рижском саммите в 2016 г. премьер-министр КНР Ли Кэцян объявил о создании инвестиционного фонда в размере 10 млрд евро для финансирования проектов в Центрально-Восточной Европе в области инфраструктуры и производственных мощностей (странам–участникам формата «16+1» было предложено внести в фонд добровольные взносы, однако пока не ясно, сколько из них поддержат финансовую структуру, контролируруемую Китаем) [ECFR, 2016]. Как и в странах постсоветского пространства, китайские инвестиции сопровождаются выдвиганием довольно жестких требований: проекты должны быть чрезвычайно перспективными в экономическом отношении; основными подрядчиками должны выступать китайские компании; для осуществления проектов должна привлекаться китайская рабочая сила [Zeneli V., 2016].

Точные суммы китайских ПИИ в Центрально-Восточной Европе не ясны. По заявлению директора Департамента европейских дел Министерства торговли Китая, сделанному в июне 2017 г., их накопленный объем в регионе превысил 8 млрд долл.³⁴, пре-

34. China, CEE countries see steady trade, investment growth // Xinhua. 2017-06-06. 11:03. http://www.china-ceec.org/eng/sbhz_1/t1468063.htm.

мьер-министр КНР Ли Кэцян на саммите «16+1» в Софии в июле 2018 г. назвал уже сумму в 10 млрд долл.³⁵ Эти обнародованные китайскими официальными лицами данные приводятся теперь во многих публикациях. Однако в действительности измерение потока ПИИ из Китая в Центрально-Восточную Европу, как и в целом по миру, сильно затруднено из-за значительной роли в сделках офшорных финансовых центров, а также несовершенства методов статистического учета. Это приводит, согласно заключениям независимых экспертов, к значительной недооценке масштабов китайских ПИИ [Seaman J. et al., 2017].

В учете ПИИ китайскими и европейскими статистическими службами имеются методологические различия, ведущие к существенным расхождениям в официально публикуемых данных. Обычно данные стран происхождения ПИИ считаются более достоверными, но не в случае Китая. Во-первых, данные китайских ведомств, в частности Министерства торговли (MOFCOM), учитывают инвестиции, одобренные и зарегистрированные министерством, что не всегда отражает их действительный объем. Фактические инвестиции могут откладываться после регистрации на многие годы, а малые по объему вложения не требуют регистрации. Кроме того, данные MOFCOM включают реинвестированные доходы от ПИИ. Во-вторых, данные MOFCOM не учитывают китайские инвестиции, поступающие в принимающие страны из Макао, Гонконга и таких офшорных зон, как Виргинские и Каймановы острова. При этом поток китайских капиталов в налоговые гавани весьма ощутим, и маловероятно, что все эти капиталы там и остаются, а не перемещаются впоследствии в другие места. В-третьих, данные MOFCOM обычно не учитывают внешние инвестиции в финансовую и банковскую сферы. В-четвертых, китайская методология сбора и учета статистических данных о внешних инвестициях в течение ряда лет претерпевала многочисленные изменения [Chiriu A., 2016].

По указанным причинам при анализе динамики китайских ПИИ в странах ЦВЕ представляется предпочтительным опи-

35. Kowalski B. What's Next for the China-CEE 16+1 Platform? <https://thediplomat.com/2018/07/whats-next-for-the-china-cee-161-platform/>.

раться в основном на данные европейской статистики, хотя они являются далеко не полными (табл. 5)³⁶.

Таблица 5. Объем притока китайских ПИИ в некоторые страны ЦВЕ,
млн евро

Страны	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Албания	Нд	Нд	Нд	Нд	-2,5	4,1	6,4	7,7
Болгария	Нд	Нд	Нд	Нд	0,4	3,3	-21,3	4,2
Венгрия	98,6	-24,9	65,1	80,3	186,5	176,7	254,5	21,8
Латвия	1,0	0	0	3,1	60,1	70,1	77,1	78,2
Литва	4,8	2,1	2,5	1,8	2,1	2,3	3,7	5,6
Македония	0,1	0,1	-0,3	-0,8	-3,8	6,1	26,3	0,1
Польша	227,3	320,1	218,5	75,7	147,4	199,5	123,3	51,0
Румыния*	6,2	57,1	143,1	138,3	282,2	12,3	117,1	Нд
Чехия	9,3	-84,7	34,1	6,3	-3,1	249,7	462,9	219,9
Эстония	30,5	-11,7	17,1	7,6	16,7	10,8	12,2	13,7

* млн долл. США.

Источник: данные центральных банков стран ЦВЕ

Исследования мотиваций китайских инвесторов в Центрально-Восточной Европе показывают, что им здесь нужны в основном рынки, и преобладающим типом китайских ПИИ являются инвестиции, ориентированные на их захват.

подавляющую часть инвестиционных сделок в регионе заключили китайские частные компании, однако по объему инвестиций с большим отрывом лидируют государственные предприятия Китая, получающие финансовую поддержку от государственных и коммерческих банков и суверенных фондов [Zeneli V., 2016].

Инвестиционная активность Китая в странах ЦВЕ, подобно торговым отношениям, развивается с разной степенью интенсивности, отражая факторные преимущества стран. Согласно данным китайской статистики более 90% всех китайских ПИИ в Центрально-Восточной Европе получили шесть стран – Румыния (24%), Польша и Венгрия (по 19%), Чехия (14%), Болгария (10%) и Словакия (5%). Прямые китайские инвестиции в регионе Западных Балкан пока в основном ограничены Сербией.

36. Базы статистических данных международных организаций не содержат информации о текущих объемах китайских ПИИ в странах ЦВЕ. Так, в статистической базе ЮНКТАД ряды данных об этих инвестициях заканчиваются 2012 годом, не давая представления об их динамике после создания формата сотрудничества «16+1».

Ясное представление об инвестиционной стратегии КНР в Центрально-Восточной Европе дает подробное Руководство по иностранным инвестициям, выпущенное Министерством торговли Китая в 2011 г., незадолго до дипломатического наступления Пекина в регионе. Руководство содержит, среди прочего, рекомендации для китайских инвесторов в 12 из 16 стран ЦВЕ (не включены в документ Болгария, Эстония, Словакия и Черногория). Обозначенные китайскими властями приоритетные секторы для ПИИ различаются в зависимости от специализации каждой из стран. Для стран с менее развитой промышленностью, в основном западнобалканских, рекомендованы операции в горнодобывающей, деревообрабатывающей и пищевой промышленности, при этом государственные сырьевые компании указаны в качестве потенциальных целей приобретения. В более развитых странах, таких как Венгрия, Польша и Чехия, акцент сделан на информационные технологии, автомобилестроение, электронику, биотехнологии, нанотехнологии, точную инженерию, научно-исследовательские центры³⁷.

Основная часть китайских ПИИ в Центрально-Восточной Европе в 2000–2014 гг. была вложена в активы в энергетике (28%), автомобильной промышленности (13%), сельском хозяйстве (12%), сфере недвижимости (11%), производстве промышленного оборудования и машиностроении (9%), секторе информационно-коммуникационных технологий (6%) [Evans M. et al., 2015]. В последние годы, отражая направленность китайской инвестиционной стратегии на модернизацию технологий и приобретение узнаваемых брендов, акцент сместился на покупку передовых производственных активов [Drahokopil J., 2017]. Примером может служить приобретение в 2012 г. крупнейшего в Польше и во всей Центральной Европе производителя полного ряда строительной техники Huta Stalowa Wola китайской компанией Liu Gong Machinery, а также покупка в 2016 г. ведущей и технологически передовой польской фирмы по обработке отходов Novago Sp. ZOO китайским предприятием China Everbright International Ltd. [Seaman J. et al., 2017].

В 2016–2017 гг. китайские ПИИ в Центрально-Восточной Европе были направлены в ИТ-технологии и электронную

37. 对外投资国别产业指引 (2011 版). <http://images.mofcom.gov.cn/hzs/accessory/201109/1315379855245.pdf>

промышленность, энергетический сектор и транспортную инфраструктуру. В 2016 г. китайские компании инвестировали 1,3 млрд долл. в недвижимость в Чехии. В 2017 г. китайская компания Zhejiang Jinke вложила 1,05 млрд долл. в сферу услуг в Словении. Китайский Эксимбанк в том же году выделил 210 млн долл. на модернизацию телекоммуникаций в Венгрии. В Румынии 350 млн долл. были направлены китайскими инвесторами в энергетический комплекс. Польша также получила в 2017 г. 150 млн долл. инвестиций на модернизацию энергетического комплекса от китайской Power Construction Corporation³⁸.

Вместе с тем растет спрос на инвестиции в новые объекты (greenfield), которые в настоящее время включают в себя такие проекты, как выпуск электромобилей в Венгрии, завод по производству поездов в Болгарии, строительство объектов недвижимости в Хорватии [Zeneli V., 2017].

3. Развитие транспортной сети

Инвестиционная стратегия Китая в странах ЦВЕ является частью общей китайской стратегии в Европе, которая включает инвестиции в объекты стратегического значения в ведущих странах ЕС и в развитие инфраструктуры на его периферии.

Основную часть инвестиций в Центрально-Восточной Европе Китай направляет в инфраструктурные объекты. Инвестируя в транспортные сети региона, Китай преобразует его в единый приемный пункт китайской продукции для Европы, решая тем самым свою проблему перепроизводства.

Как уже упоминалось, инициатива «16+1» фактически стала частью китайского проекта «Пояс и путь». Через вовлеченные в эту инициативу страны ЦВЕ проходят две основные дороги будущего – Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь 21-го века. Польша и Венгрия рассматриваются Китаем в качестве транспортных узлов как для двух основных дорог, так и для наземных маршрутов в Европу из Центральной Азии и через Балканы [Zeneli V., 2017]. Страны Западных Балкан стано-

38. Данные China Global Investment Tracker. <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>.

вятся новым приоритетным направлением китайских инвестиций в связи с проектом балканского участка Морского Шелкового пути 21-го века.

Строительство Балканского Шелкового пути Китай начал с флагманских инвестиций в порт Пирей, рассматривая Грецию как ворота в Европу через Балканы. Вторым крупным проектом, сделка по которому стала одним из главных итогов Рижского саммита «16+1» в 2016 г., является строительство высокоскоростной железной дороги Белград–Будапешт протяженностью 350 км. Этот крупный инфраструктурный проект с бюджетом в 2,9 млрд долл. значительно сократит время транспортировки китайских товаров в Европу. Венгерскую часть магистрали стоимостью 1,8 млрд долл. должен на 85% финансировать китайский Эксимбанк в виде кредита на 20 лет под 2,5% годовых, и строить будет китайская компания China Railway International Corporation. Сербскую часть стоимостью 1,1 млрд долл. будет финансировать на сумму около 300 млн долл. тот же китайский Эксимбанк и на 800 млн долл. один из российских банков, а строить – ОАО «РЖД»³⁹.

Другие китайские инвестиции связаны с автострадой «Коридор 11», которая проходит от Румынии до Черногории и Италии, а также с некоторыми проектами в Македонии в рамках «Коридора 8», связывающего страну с Западной Европой [Zeneli V., 2017].

В 2016–2017 гг. основная часть китайских инвестиций в рамках инициативы «Пояс и путь» и строительных проектов была направлена в Сербию на строительство автомагистралей, а также на модернизацию энергетического сектора (около 1,8 млрд долл.). В 2016 г. китайская компания Shandong Gaosu выделила 640 млн долл. на строительство автомагистралей в Боснии и Герцеговине, а компания China Communications Construction – 110 млн долл. на строительство портовой инфраструктуры в Латвии⁴⁰.

Страны ЦВЕ проявляют большую заинтересованность в реализации глобальных инфраструктурных планов Китая на своей территории. В свете высоких ожиданий экономических выгод от китайской инициативы «Пояс и путь» восточноевропейские прави-

39. Китай и Россия начали строительство железной дороги Белград–Будапешт // Monetarypolicy (электронный ресурс). 01.12.2017. <https://monetary-policy.livejournal.com/62570.html>.

40. Данные China Global Investment Tracker. <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>.

тельства в преддверии Будапештского саммита «16+1» в 2017 г. оценили свои страны как весьма подходящие направления для китайских инвестиций в рамках инфраструктурных проектов, обозначенных этой инициативой. Латвия обязалась укреплять сотрудничество в области транспорта и логистики, инвестиций в инфраструктуру, торговли и туризма. Венгрия заявила о намерении объявить на саммите о тендере на венгерский участок железной дороги Белград–Будапешт (что и было сделано). В Болгарии на форуме «16+1» Пловдив был представлен как «самый старый город на Шелковом пути». Во время встречи министров транспорта стран формата «16+1» в Варшаве в октябре 2017 г. премьер-министр Польши сослался на план создания нового аэропорта в Польше, который будет сочетаться с высокоскоростной железной дорогой, соединяющей Европу и Азию, а министр инфраструктуры Словении представил свою страну в качестве основного центра логистики в Центральной Европе с логистическими центрами в Любляне, Мариборе и Копере, а также с портом в Копере, соединяющим коммерческие порты в Северной Адриатике [Poggetti L., 2017].

4. Активность Китая в Центрально-Восточной Европе и позиция ЕС

Как нам представляется, пока рано давать комплексную оценку влияния китайских инвестиций на развитие стран ЦВЕ. Очевидно, что регион, особенно его юго-восточная часть, испытывает потребность в развитии инфраструктуры, которую западные институты по разным причинам не в состоянии удовлетворить. Китайские инвестиции могут способствовать решению проблемы и тем самым содействовать социально-экономическому развитию стран. Однако возникают и очевидные проблемы. Так, в странах, не входящих в ЕС, где действия Китая не ограничены европейским законодательством, китайские предприятия, как и на постсоветском пространстве, нанимают на работу мало местных жителей, инфраструктурные проекты и кредитные соглашения обременяют и без того бедные правительства крупными долговыми обязательствами (некоторые из этих стран уже имеют суверенные долги в объеме более 70% ВВП). Кроме того, многие китайские проекты непрозрачны

и не предполагают проведения публичного обсуждения, отсутствует открытая процедура закупок [Zeneli V., 2017].

Много проблем может вызывать модель финансирования Китаем крупных инвестиционных проектов, хорошо знакомая странам постсоветского пространства, государствам Африки и Латинской Америки. Финансовые ресурсы предоставляются государственными банками Китая, что фактически означает реализацию планов китайского правительства за счет льготных кредитов. Кредитование предполагает передачу всего проекта или значительной его части китайским подрядчикам, включение китайских субподрядчиков, использование китайских технологий и рабочей силы. Окончательная стоимость кредита оценивается на уровне 2,5–3% годовых. Одним из важнейших условий предоставления кредитов являются суверенные гарантии его погашения, что освобождает китайскую сторону от бизнес-рисков, а значит, снимает с нее ответственность за долгосрочную экономическую эффективность проектов.

Применение Китаем модели сотрудничества с развивающимися странами к инфраструктурным проектам в Центрально-Восточной Европе ведет к увеличению долговых обязательств правительств и при этом не стимулирует рост местных экономик, так как покупка большинства компонентов, материалов и рабочей силы в Китае возвращает получаемые китайские деньги обратно в Китай. Это может вызывать проблемы в платежных балансах кредитруемых стран и в будущем значительно затруднить погашение задолженности.

Перечисленные особенности китайских долгосрочных кредитов с относительно невысокими процентными ставками делают их востребованными в основном странами с ограниченным доступом к международным финансовым ресурсам и не получающим средств из фондов ЕС. При этом для этих стран важно, что предоставление Китаем кредитов не сопровождается требованием проведения внутренних реформ, что выгодно отличает эти кредиты от кредитов МВФ и Всемирного банка. В пяти странах Западных Балкан, не входящих в ЕС и не имеющих возможности удовлетворить свои огромные потребности в инфраструктуре за счет его фондов, с использованием китайской модели финансирования реализован ряд крупных инфраструктурных проектов. В частности, построены

автострады в Сербии, Боснии и Герцеговине, Черногории, Македонии и Албании, а также часть железной дороги Белград – Суботица (сербский участок маршрута, связывающего Белград с Будапештом). И это несмотря на то, что для стран с низким уровнем экономического развития китайская модель финансирования несет в себе повышенный риск значительного роста долговой зависимости. В Черногории, например, подписание только одного контракта с китайским Эксимбанком на строительство автомагистрали стоимостью 800 млн евро увеличило размер национального долга по отношению к ВВП на 23 процентных пункта [Беляков Д., 2017].

Спустя семь лет после создания формата «16+1» тон дебатов в Китае вокруг инициативы, как правило, достаточно критичен, часто подчеркиваются проблемы и вызовы, с которыми сталкивается китайское правительство в своих усилиях по продвижению сотрудничества [ЕСCFR, 2016]. В Центрально-Восточной Европе, по крайней мере в значительной ее части, появляется усталость от проекта, поскольку китайские обещания масштабных инвестиций часто не выполняются, а многочисленные громкие заявления не сопровождаются ожидаемыми действиями [Romanowski M., 2017]. Эта усталость проявилась, в частности, на Будапештском саммите «16+1» в 2017 г. Итоговые документы саммита продемонстрировали, что предложения Китая по-прежнему вызывают энтузиазм лишь у некоторых стран, таких как Венгрия и Сербия, тогда как другие страны начинают утрачивать к ним интерес. Так, венгерское правительство приняло решение присоединиться ко второму этапу работы инвестиционного фонда Китая–ЦВЕ в 2018 г, а Польша от этого отказалась, сочтя предлагаемые условия неудовлетворительными. Польша не взяла на себя обязательств организовывать в 2018 г. какие-либо из мероприятий, включенных в итоговые документы саммита, и упоминается в них только в контексте проектов, запланированных ранее [Przychodniak M., 2017].

Совершенно очевидно, что многосторонний формат сотрудничества «16+1» практически нереализуем, поскольку объединил страны, которые представляют собой весьма разнородную группу. Формирование единого регионального игрока из 16 стран, отличающихся друг от друга уровнем экономического развития, хозяйственно-экономическими отношениями, системой принятия

государственных решений, институциональными рамками и культурными традициями, невозможно, да и Китай всегда с большим энтузиазмом сотрудничает со странами на двусторонней основе, сохраняя на уровне ритуалов приверженность более крупным многосторонним форматам. Таким образом, ситуация в Центрально-Восточной Европе повторяет ситуацию, сложившуюся на постсоветском пространстве — сотрудничество стран с Китаем продолжает развиваться в основном на двусторонней основе, причем страны сильно различаются по его интенсивности. Лишь немногие из них, такие как Польша, Чехия и Венгрия, на сегодняшний день привлекли заметные объемы китайских ПИИ. Другие страны, надеявшиеся получить их, особенно в инфраструктурные проекты, постигло разочарование, что привело к нарастанию конкуренции за китайские инвестиции между странами ЦВЕ.

Как и на постсоветском пространстве, в Центрально-Восточной Европе Китай пытается использовать внешнеэкономическую экспансию для решения внутренних проблем развития, в частности, путем расширения рынков сбыта бороться с кризисом перепроизводства, что может усилить дисбаланс во взаимоотношениях стран ЦВЕ и Китая, особенно в сфере торговли.

Китайские компании, как правило, заинтересованы в покупке предприятий, которая позволила бы проникнуть на европейский рынок, получить технологии и перенять передовые управленческие навыки, что способствовало бы модернизации экономики Китая. В то же время страны ЦВЕ озабочены прежде всего повышением занятости и ростом экономики и, следовательно, больше заинтересованы в китайских инвестициях в новые объекты. Кроме того, эти страны уделяют повышенное внимание социальным гарантиям и демократическому управлению, тогда как взгляд Китая на свое развитие — это скорее вопрос экономической эффективности и освоения глобальных ресурсов. Разумеется, эти расхождения неодинаковы в разных странах. Польша, например, заняла оборонительную позицию по отношению к усилиям Китая в регионе [Zuokui L., 2016], тогда как Венгрия проявляет постоянное стремление к участию в китайских инициативах [Chao G., 2016].

Ряд факторов сдерживает инвестиционную активность Китая в ЦВЕ. Так, предлагаемая Китаем модель финансирования

проектов за счет кредитов с обозначением подрядчика, то есть без проведения открытых конкурсов, противоречит законодательству Евросоюза, а выполнение требования Китая о суверенных гарантиях по льготным кредитам и финансирование проектов через Фонд Китая—ЦВЕ в размере 10 млрд долл. наталкиваются на лимит уровня государственной задолженности стран-членов, установленный Пактом стабильности и роста ЕС. Поэтому принятие китайской модели финансирования проектов чревато вмешательством Европейской комиссии. Примером служит начатое Еврокомиссией в 2017 г. расследование против Венгрии за нарушение законодательства ЕС о публичных тендерах при заключении соглашения с Китаем о строительстве железнодорожной магистрали Белград—Будапешт. Результаты расследования и изучения конкурсной документации пришлось ждать почти год, что задержало начало реализации проекта венгерской стороной.

Нельзя не учитывать и того факта, что у стран—членов ЕС уже есть широкий выбор финансовых инструментов для инвестиций в инфраструктуру. Китайское предложение, основанное на кредитах, автоматически проигрывает финансированию из структурных фондов ЕС на основе субсидий. В области кредита китайские инструменты уступают относительно дешевым и более прозрачным кредитам в рамках Европейского фонда стратегических инвестиций. Из-за рекордно низких процентных ставок в Европе для большинства стран выгоднее получать деньги путем выпуска долгосрочных облигаций, чем брать кредит у Китая. Наконец, существует программа Трансевропейской транспортной сети (TEN-T), и введение в эксплуатацию ее базовой части, запланированное на 2030 г., решит многие транспортные проблемы стран ЦВЕ — членов ЕС.

Таким образом, на сегодняшний день у многих стран ЦВЕ нет ни острой необходимости, ни, зачастую, возможности принимать инвестиционные предложения Китая. Однако ситуация может измениться. Пекин, осознавая относительную неэффективность своей инвестиционной политики в Центрально-Восточной Европе, старается адаптировать деятельность к местным условиям. Речь идет, в частности, о создании инструментов, в которых китайские финансовые учреждения и компании будут выступать в качестве ответственного инвестора, размещая собственные средства в реги-

оне и принимая на себя некоторые из бизнес-рисков. Китайский Эксимбанк параллельно с кредитной линией создал фонд прямых инвестиций в размере 435 млн долл. для приобретения и продажи негосударственных компаний, китайский коммерческий банк ICBC с 2015 г. ведет переговоры с властями восточноевропейских стран о новом финансовом холдинге Китая—ЦВЕ, нацеленном на долгосрочные инвестиции в инфраструктурные проекты в регионе [Беляков Д, 2017]. Дальнейшие действия в этом направлении означали бы превращение Китая из кредитора в реального инвестора в Центрально-Восточной Европе.

Однако здесь свою решающую роль может сыграть очень настороженное отношение наднациональных органов ЕС к перспективам усиления позиций Китая в Европе.

В отношениях ЕС и Китая в последние годы по ряду вопросов отмечаются серьезные трения. Китай является для Евросоюза вторым по величине торговым партнером, но для европейского бизнеса в Китае существуют проблемы, связанные с китайской промышленной политикой и дискриминирующими иностранные компании нетарифными барьерами, сильным вмешательством китайского правительства в экономику, слабой защитой и плохим обеспечением прав интеллектуальной собственности. Одной из ключевых проблем торгового и инвестиционного сотрудничества между ЕС и Китаем с точки зрения европейского бизнеса является отсутствие равного доступа к рынкам. Такие сектора, как финансовый, телекоммуникационный, логистический, а также сектор государственных закупок, доступ к которым в Европе для китайских инвесторов открыт, в Китае для иностранных инвесторов ограничен, из-за чего европейские ПИИ в Китае фактически не растут или даже сокращаются. Все эти проблемы вызывают недовольство в Брюсселе, однако их предметное обсуждение Пекином практически не ведется [ECFR, 2016].

Расширение присутствия Китая в Центрально-Восточной Европе нередко интерпретируется европейскими политиками как реализация разобщающей Евросоюз инвестиционной стратегии по принципу «разделяй и властвуй». Экономический аспект такой интерпретации очевиден: например, инвестиционные сделки, заключенные странами ЦВЕ с Китаем, могут не соответствовать директи-

вам ЕС или подрывать его политики. Однако есть и политический аспект: в ЕС возникает опасение, что расширение присутствия китайского капитала усиливает зависимость стран ЦВЕ от Пекина и влияет на проводимую ими политику, подрывает отношения этих стран с институтами ЕС⁴¹, может приводить к поддержке дипломатических инициатив Китая и голосованию за его позицию в международных организациях, в том числе в самом ЕС. Это опасение имеет под собой некоторые основания. Например, в 2016 г. из-за возражений некоторых восточноевропейских стран-членов из заявления ЕС о правовой несостоятельности исторически установившегося суверенитета над островами Южно-Китайского моря была изъята прямая ссылка на Китай [Emmott R., 2016]. При этом если возражения Словении и Хорватии можно объяснить их собственными морскими спорами, то нежелание правительства Венгрии критиковать Китай, по-видимому, напрямую связано с большим объемом китайской инвестиций, полученных страной за последние годы [ECFR, 2016].

Учитывая, что отношения стран ЦВЕ (в том числе членов ЕС) с Китаем до сих пор определяются в первую очередь их узконациональными интересами, порой идущими вразрез с общими целям Евросоюза, а также принимая во внимание существующие внутри Евросоюза разногласия по ряду вопросов (в частности, по миграции), некоторые европейские эксперты полагают, что эти противоречия могут быть использованы Китаем для усиления своего переговорного потенциала в ЕС, особенно по Двустороннему инвестиционному соглашению, переговоры о котором ведутся с 2012 г. [Zeneli V., 2016].

Реагируя на стремительно растущий глобальный вес и влияние Китая, Евросоюз в 2016 г. принял новую стратегию в отношении Китая в целях обеспечения равных условий и честной конкуренции во всех областях сотрудничества [European Commission, 2016]. В сентябре 2017 г. председатель Европейской комиссии Жан Клод Юнкер рассказал о новых основах скрининга иностранных (читай – китайских. *Прим. авт.*) инвестиций в ЕС в качестве меры по защите безопасности: «Если иностранная государственная компания хочет приобрести европейский порт, часть нашей энергети-

41. Об этом говорилось, например, на брифинге в Европейском парламенте «Один пояс, один путь» в июле 2016 г.

ческой инфраструктуры или предприятие оборонных технологий, это должно происходить с соблюдением прозрачности, с тщательным изучением и обсуждением. Знать то, что происходит на нашем заднем дворе, чтобы иметь возможность в случае необходимости защитить нашу коллективную безопасность, — это политическая обязанность» [European Commission, 2017].

* * *

Экономическое сотрудничество между Центрально-Восточной Европой и Китаем находится на подъеме, однако в силу пока еще небольших объемов взаимной торговли и китайских ПИИ не оказывает на экономическое и социальное развитие стран ЦВЕ влияния, сопоставимого с имеющим место в постсоветских государствах.

Как и следовало ожидать, многостороннего сотрудничества в масштабах всего региона ЦВЕ практически нет, развитие связей происходит в традиционном для Китая режиме двусторонних отношений при сохранении вывески многосторонней инициативы «16+1». Китай проводит выверенную дифференцированную инвестиционную политику. Так, в страны Центральной и Юго-Восточной Европы, являющиеся членами ЕС, китайские инвесторы направляют основную часть промышленных ПИИ, чтобы воспользоваться их квалифицированной, но относительно недорогой рабочей силой и получить этикетку «made in EU» для произведенных или собранных товаров. Китайские инфраструктурные проекты, напротив, реализуются в основном в странах Западных Балкан, не входящих в ЕС, где его жесткие правила не применяются.

В целом можно заключить, что потенциал у сотрудничества Центрально-Восточной Европы с Китаем, безусловно, имеется, однако его дальнейшее развитие требует адаптации инструментов китайской внешнеэкономической политики к условиям региона, большего учета интересов стран ЦВЕ, снятия озабоченностей Европейского союза и решения проблемы конкуренции китайских и европейских инвестиций.

УРОКИ ДЛЯ РОССИИ. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Современное евразийское пространство, особенно постсоветская его часть, находится во власти двух концептуальных моделей, которые весьма скоро могут приобрести статус основных евразийских политических парадигм. С одной стороны, это объединяющая идея Евразийского экономического союза (ЕЭАС), дополнительной идеологической поддержкой которой становится сформулированная российской стороной геополитическая доктрина «Большой Евразии». С другой стороны, это мощное продвижение китайского проекта ОПОП, ставшего сегодня основной повесткой развития торговли, инфраструктуры и цифровых технологий стран, лежащих в пределах заявляемого Шелкового пути. При этом китайская сторона осознанно отрицает ассоциирование своего проекта с геополитическими контурами, а в риторике избегаются коннотации, по которым можно было бы считывать возможности политического влияния на страны, поддержавшие ОПОП. Между тем, неупоминание политических смыслов совершенно не означает их отсутствия.

Проекту ОПОП официально лишь 5 лет. Пока еще рано делать обобщения и выводы о способах и методах, используемых КНР в развитии двусторонних отношений со странами, в которые китайский капитал проникает в той или иной форме. Определенные выводы можно будет делать позже. Однако, основываясь на особенностях китайского ведения бизнеса, экономической дипломатии, а также на достаточно явно артикулируемом прагматизме руководства Поднебесной, можно уже сейчас предположить, что моделей взаимодействия будет много.

Россия рассматривает китайскую региональную политику на евразийском континенте прежде всего сквозь призму перспектив укрепления или ослабления своих позиций в странах соседства, а также развития процессов интеграции на постсоветском пространстве. Провозглашение Китаем интеграционной инициативы ОПОП и начало функционирования с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, по мнению многих экспертов, могло стать на-

чалом перехода к этапу многостороннего сотрудничества в регионе. Однако пока прогресс в этом направлении весьма призрачен. Двустороннее сотрудничество Китая с каждой из стран постсоветского пространства, включая Россию, живет своей жизнью, которая мало зависит от поисков точек сопряжения.

Россия вяло настаивает на сотрудничестве по линии ЕАЭС – КНР, а Китай считает возможными, и даже более эффективным, сотрудничество с каждым из членов союза на двусторонней основе и решительно его продвигает. Такой же подход реализуется Китаем и в отношении стран Центрально-Восточной Европы в рамках стратегии «16+1». Таким образом, под зонтиком китайской интеграционной инициативы активно развиваются двусторонние связи с большой группой постсоциалистических государств, что объективно ведет к нарастанию конкуренции между ними за китайские инвестиции, за статус основного транзитера и т.п. и позволяет Китаю довольно успешно достигать своих целей.

Пробуксовка многостороннего формата сопряжения китайской инициативы ОПОП и Евразийского экономического союза на фоне вызывающих озабоченность тенденций в развитии ЕАЭС, при нарастающих дисбалансах в торговле постсоветских государств с Китаем⁴² и росте их задолженности перед восточным соседом-гигантом, чревата рисками размывания евразийской интеграции.

На сегодняшний день Казахстан и Белоруссия – члены ЕАЭС существенно опережают Россию в деле сопряжения национальных программ развития и ОПОП, а также в реализации возможностей, открываемых китайской инициативой. Так, в сентябре 2015 г. главы Казахстана и Китая представили инициативу по сопряжению ЭПШП и новой экономической политики Казахстана «Нурлы Жол»; заключили в рамках сопряжения экономической политики «Казахстан – 2020» и ЭПШП десятки соглашений о сотрудничестве в сфере транспорта, промышленности и энергетики; 2 сентября 2016 г. представили План сотрудничества, существенно опережающий практические шаги остальных участников ЕАЭС в этой сфере. Два из намеченных в рамках ЭПШП транспортных

42. Все члены ЕАЭС, кроме Казахстана, имеют значительный отрицательный баланс в торговле с Китаем. В Киргизии он составляет в последние три года 93–95% общего товарооборота, в Армении – около трети, в Белоруссии – почти половину[13].

маршрута вписываются в казахстанскую инфраструктурную программу «Нурлыжол», призванную развивать национальную инфраструктуру и вырастить мощный региональный транспортно-логистический хаб в ЦА.

Известно, что одной из целей создания ЕАЭС было признано содействие реиндустриализации государств-членов, однако до сих пор в этом направлении сделано непростительно мало. Бездействие ЕАЭС в вопросах развития производственной кооперации становится все очевиднее на фоне успехов Китая по инвестиционному освоению постсоветского пространства, в частности, созданию многочисленных китайских и совместных предприятий, началу переноса на территорию Казахстана и Киргизии нескольких десятков промышленных производств в интересах «наращивания там собственной промышленной базы» [Cai P., 2017]. И, несмотря на ведущиеся в странах ЦА дискуссии относительно условий и последствий реализации этих планов, видимо, программы эти будут воплощены в жизнь, поскольку многие разворачиваемые несырьевые производства выпускают как раз ту продукцию, которую сегодня Казахстан и Киргизия импортируют из Китая.

Следовательно, организация выпуска этой продукции непосредственно в странах-импортерах может принести пользу не только потребителям, которые экономят время и деньги, но и государствам. Получение налогов, создание инфраструктуры и рабочих мест в текущих экономических условиях представляют очевидную выгоду для стран-членов ЕАЭС. В 80–90-х годах прошлого века Китай сам импортировал производственные мощности из Германии, Тайваня и Японии [Cai P., 2017], что содействовало его индустриализации.

При условии соблюдения китайской стороной экологических норм и социальных стандартов, а также привлечения местной рабочей силы, практику переноса китайских производств можно было бы активно использовать и на территории России. При этом у руководства регионов должны быть сохранены достаточные рычаги для стимулирования приоритетных инвестиционных проектов и сдерживания инициатив, не отвечающих задачам совершенствования структуры экономики. Для этого было бы целесообразно внимательно изучить опыт Китая по регулированию инвестиций за ру-

бежом (определение приоритетных отраслей вложения, разработка льготных схем поддержки и софинансирования и т.п.).

Бессспорно, желательным и перспективным в рамках сопряжения было бы создание серии совместных взаимовыгодных проектов по выстраиванию цепочек добавленной стоимости, учитывающих максимально выгодное для участников территориальное размещение предприятий. Так, если речь идет о поставках совместно произведенной продукции в Европейский союз, предприятия могли бы быть расположены на западе России или в Белоруссии; в случае азиатского направления экспорта производственные мощности можно было бы разместить в Китае, Казахстане или на Дальнем Востоке России. Однако для реализации такой стратегии необходимо иметь согласованные странами ЕАЭС приоритеты промышленной политики, что пока сделать не удается. Реализация такой политики требует преодоления как сохраняющихся на различных этапах власти в России алармистских настроений (боязни, что Китай окажется в большем выигрыше от сотрудничества, чем Россия), так и иллюзий, согласно которым интеграционная инициатива Китая — это своего рода благотворительность в отношении стран, согласившихся на участие в ней. Следует четко понимать, что, если оставить в стороне геополитические соображения, мотивы Китая при реализации стратегии ОПОП состоят в снижении издержек экспортных поставок в страны ЕС, а также в расширении внешнего спроса на китайскую продукцию и услуги китайских специалистов. Китай будет содействовать модернизации российского Транссиба или участвовать в освоении Северного пути только в том случае, если такое участие позволит ему успешнее реализовать свои стратегические задачи. Наивно думать, что Китай будет способствовать реиндустриализации экономики стран ЕАЭС, которая приведет к появлению серьезных конкурентов китайским производителям. Следовательно, если Россия рассчитывает на длительные и взаимовыгодные отношения с Китаем, она должна ориентироваться на «брак по расчету, а не на романтический любовный союз»⁴³.

Обращает на себя внимание четкая последовательность проводимых китайским руководством шагов по освоению евра-

43. Country Report: Russia”, The Asan Forum, 24 November 2016. <http://www.theasanforum.org/country-report-russia-november-2016/>.

зийского пространства, готовность учитывать национально-государственные особенности стран-кооперантов, постоянно совершенствовать механизмы и инструменты сотрудничества. Сильной стороной китайских экономических инициатив является также тесное взаимодействие между государством и бизнесом при осуществлении стратегии «Идти вовне». Безусловно, такое взаимодействие возможно реализовать только при наличии у государства больших финансовых возможностей поддержки компаний, а у последних — экономически подкрепленной заинтересованности в реализации государственных интересов за рубежом.

Реальное сопряжение проектов ОПОП и ЕАЭС предполагает активизацию деятельности частных компаний из стран ЕАЭС и Китая, в частности мелких и средних. В связи с этим интересным для России должен стать опыт Белоруссии по созданию технопарка «Великий камень», возводимого на китайские деньги под Минском, который будет аккумулировать энергию многих, преимущественно малых и средних предприятий. Страна, как и другие члены ЕАЭС, готова строить отношения с Китаем в рамках небольших, но в совокупности дающих позитивный эффект проектов. Россия долгое время находилась в плену иного подхода — необходимости миллиардных контрактов, желательного с участием государственных компаний, которые функционируют под непосредственным руководством высших руководителей и их окружения. И лишь в последнее время особое внимание стало уделяться развитию электронной торговли, с помощью которой возможен рост экспорта малого бизнеса из стран ЕАЭС в Китай и из Китая в страны ЕАЭС [Яковлев А.А., 2018]. Первые важные соглашения в этой области были достигнуты на переговорах В.В. Путина и Си Цзиньпина на площадке IV Дальневосточного экономического форума.

Анализ показывает, что перспективные сферы сотрудничества ЕАЭС и Китая в рамках инициативы ОПОП существуют, и среди них — несколько важных отраслей, в частности сельское хозяйство, которое и в России, и в других странах ЕАЭС находится на подъеме. Очевидно, что те изменения, которые идут в Азии, в первую очередь рост среднего класса и его растущее потребление недорогих, но качественных продуктов питания, предоставляет большие возможности для наращивания совместного с Китаем бизнеса в этой

сфере. Рост экспортных поставок сельскохозяйственной продукции стран ЕАЭС в Китай позволит справиться с теми вызовами, которые стоят перед Китаем в области продовольственной безопасности. Появление же у стран постсоветского пространства огромного рынка сбыта станет важным стимулом развития сельскохозяйственной отрасли. Целесообразно создание совместных компаний, которые, используя потенциал и технологии ЕАЭС и Китая, могут стать серьезными игроками на быстрорастущем рынке Азии.

Многообещающим представляется совместное развитие транспортной инфраструктуры, в частности строительство совместных портов на Дальнем Востоке, что будет способствовать разгрузке пробок в портах Северо-Восточной части Китая. Обоюдно интересны и ЕАЭС, и Китаю инвестиции китайских компаний в морские порты Калининграда. Реализация проекта позволила бы КНР иметь контейнерный терминал непосредственно в Европе. Огромные возможности открывают перспективы освоения Северного морского пути по территории России. В случае реализации этих и ряда других проектов, которые позволят сократить транспортное плечо, удешевить перевозки и ускорить сроки поставок продукции, можно рассчитывать на дальнейшее развитие торговых отношений между странами ЕАЭС и Китаем, а также государствами, выразившими готовность участвовать в инициативе ОПОП.

Таким образом, есть перспективные области сотрудничества в рамках сопряжения ЕАЭС и ОПОП, но так и не ясно, какой институциональной рамкой сопряжение будет обрамлено. В одном из своих пресс-заявлений после переговоров с китайской стороной Президент России В.В. Путин сказал, что «по сути, мы стремимся, в конечном счете, достичь нового уровня партнерства, который создаст единое экономическое пространство на всем Евразийском континенте»⁴⁴. О перспективе формирования общего пространства ШОС – Экономический пояс Шелкового пути в сентябре 2013 г. в Назарбаевском университете говорил и Си Цзиньпин. Но если вспомнить идею – теперь, по-видимому, забытую надолго – Общего европейского экономического пространства, одобренную Россией

44. БЕЛТА. Китай остается ключевым стратегическим и торговым партнером Беларуси. 24.03.2016 (<http://www.belta.by/economics/view/kitaj-ostaetsja-ključevym-strategičeskim-i-torgovym-partnerom-belarusi-jaroshenko-186750-2016/>).

и Европейским союзом в 2003 г., следует признать, что у сторон не было единого понимания его сути. ЕС настаивал на том, что единое экономическое пространство возникнет только в результате заимствования Россией европейского законодательства, норм и правил; Россия, в свою очередь, говорила о необходимости обеспечения четырех свобод (свободного движения товаров, услуг, капиталов и граждан). И как в таком случае быть с тем фактом, что сегодня Россия очень настороженно относится к предложению Китая создать зону свободной торговли; выступая за содействие торговле, но не за ее либерализацию, Россия не готова открывать свой рынок для китайских производителей⁴⁵.

Существуют принципиальные расхождения между российским и китайским руководством и в понимании перспектив экономической глобализации. Китай запустил инициативу ОПОП в качестве инструмента дальнейшего развития глобализационных процессов, будучи убежденным, что на этом пути он сможет повысить свою экономическую и политическую безопасность. Российские же лидеры делают ставку на регионализацию, и в частности на евразийский интеграционный проект, реализация которого, по их мнению, позволит создать в Евразии центр экономической и политической силы. Таким образом, налицо кардинальные различия в основополагающих целях создания ЕАЭС и проекта «Пояс и Путь».

По сути, мы наблюдаем ситуацию, в которой у России есть существенный геополитический вес в регионе и потенция формулировать цивилизационные доктрины вовлечения евразийских государств под крышу идеи более широкого интеграционного контура, но нет экономической мощи, чтобы удерживать предлагаемую надстройку крепким базисом. Одновременно Китай, открыто не экспортируя идеологии и доктрины, постепенно скупает крупные компании в странах региона, кредитует их правительства, получает доступ к природным ресурсам и, финансируя крупномасштабные инфраструктурные проекты, выстраивает прочные двусторонние отношения со странами евразийского пространства. В июне 2016 г., выступая на Петербургском международном экономическом форуме, В.В. Путин провозглашает инициативу по созданию «большого

45. Evgeny Vinokurov EAEU and Asian Countries: Plans, Prospects and Challenges <http://valdaiclub.com/a/highlights/eaeu-and-asian-countries-plans-prospects/>.

евразийского» партнерства, в котором должны принять участие государства—члены ЕАЭС, а также страны, с которыми у нас уже есть тесное сотрудничество — Китай, Индия, Пакистан и Иран. Таким образом, сделана заявка на очередной подъем планки желаемого сотрудничества, а вопрос о том, в каких институциональных формах будет/должно осуществляться сопряжение китайской инициативы и евразийского интеграционного проекта, реализуемого в рамках ЕАЭС, так и остается открытым.

Вместе с ростом зависимости экономик постсоветских государств от Китая через наращивание дисбалансов в торговле рост кредитной задолженности и увеличение доли китайской собственности перспективы успешной евразийской интеграции на базе ЕАЭС сокращаются. В настоящее время в продвижении своей инициативы КНР опробует различные модели двустороннего взаимодействия со странами, принимающими китайские инвестиции. Это, к примеру, и явно зависимые от китайских кредитов страны, готовые на любых условиях в обмен на инвестиции отдавать КНР доступ к собственным природным ресурсам. Это и вполне способные позволить себе более независимое отношение к китайским инвестициям страны, отстаивающие собственные интересы. Это также страны, где китайские компании давно скупили большое количество национальных активов, и формат двустороннего взаимодействия с КНР разительно отличается от приведенных выше форматов. Моделей уже сейчас достаточно много, и в каждом из случаев Китай находит свой подход к стране, пробует продвигаться внутрь, балансируя между потребностями стран и их элит и собственным прагматичным взглядом на необходимость интенсификации этого продвижения.

Говоря об уроках, которые наша страна должна была бы вынести из сложившейся ситуации, вероятно, правильно было бы иметь в виду ее встречный прагматизм. Интеграционные инициативы Китая вырастают из внутренних проблем развития страны и становятся инструментами их преодоления, следовательно, они имеют прочный фундамент. Именно такие основания должны быть и у интеграционных инициатив России. Только в этом случае можно будет ответить на вопросы жителей Сибири, почему мы инвестируем в проекты на территории Киргизии или Армении, а не на широких российских просторах. Необходимо учитывать и то, что Россия

разнородна, велика, а взгляд на определенные ситуации из Москвы может разительным образом отличаться от понимания этих же ситуаций во Владивостоке, Благовещенске или Екатеринбурге. Как нам представляется, Россия пока еще может в сотрудничестве с КНР выдвигать определенные разумные условия, которые должны базироваться на анализе результатов продвижения инициативы «Пояс и Путь» в странах российского пояса соседства..

ЛИТЕРАТУРА

- БЕЛТА. Китай остается ключевым стратегическим и торговым партнером Беларуси. 24.03.2016 (<http://www.belta.by/economics/view/kitaj-ostaetsja-kljuchevym-strategicheskim-i-torgovym-partnerom-belarusi-jaroshenko-186750-2016/>).
- Беляков Д. Стратегия Пекина в Центральной Европе, 2017. <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/>.
- Влияние Китая на Европу и Центральную Азию. Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии. – Группа Всемирного банка. Апрель 2016. С. 41.
- Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза. М: ИЭ РАН, 2016.
- Доклад Национального экономического совета «Экономическое сотрудничество – фактор интеграции стран СНГ». Екатеринбург, 2004. С. 9.
- Литин С. О формировании теоретической системы внешней политики с китайской спецификой // Китайские политологические оценки некоторых теоретических и практических аспектов современной ситуации в мире и межгосударственных отношений. М: ИДВ РАН, 2011. С. 12.
- Логина Д.А. Некоторые тенденции в политике КНР в Юго-Восточной Азии на современном этапе // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика, 2011. №4.
- Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан URL:<http://mid.gov.kz/ru/kategorii/vystupleniya-i-doklady>.
- Министерство финансов Кыргызской Республики (<http://www.minfin.kg>).
- Министерство финансов Республики Таджикистан (<http://minfin.tj>).
- Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2016. – Евразийский Банк Развития. Центр интеграционных исследований. Доклад №39, 2016. С.46.

- Национальный банк Казахстана (<http://www.nationalbank.kz>).
- Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. О политических отношениях Беларуси и Китая (http://china.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/).
- Сенюк Н.Ю. Прямые инвестиции Китая за рубежом: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2012. С. 93.
- Тураева М.О. Итоги 25-летия независимости Туркменистана: сохранять нейтралитет все труднее / В монографии «Постсоциалистический мир: итоги трансформации» / Под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, Т. 2. Постсоветские государства, 2017. С.182–208.
- Тураева М.О. Новые реалии евразийского транспортного пространства: казахстанский транзит // Вестник Института экономики Российской академии наук, 2018. № 3. С. 25–39.
- Тураева М.О., Глинкина С.П., Яковлев А.А. Каналы проникновения китайского капитала в республики Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Известия Уральского государственного экономического университета, 2018. Т. 19, № 4. С. 64–78.
- Яковлев А.А. Перспективы торгового сотрудничества между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой (расчеты на основе гравитационной модели взаимодействия) // Инновации и инвестиции, 2017. № 2. С. 57–60.
- Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества // Вестник Института экономики РАН, 2018. №1. С. 204–211.
- Bin Y. China-Russia Relations: Putin's Glory and Xi's Dream. Comparative Connection, 2016. https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/1303qchina_russia.pdf.
- Cai P. Understanding the Belt and Road Initiative, Lowy Institute for International Policy, March 2017 <https://www.lowyinstitute.org/publications/understanding-belt-and-road-initiative>.
- Chao G. The Hungarian investment opportunity within “One Belt, One Road's establishment” (一带一路”建设中匈牙利的投资机遇) // Zhongguo Duiwai Maoyi, 2016.

- China, CEE countries see steady trade, investment growth // Xinhua. 2017-06-06. 11:03. http://www.china-ceec.org/eng/sbhz_1/t1468063.htm.
- China's «going-out» strategy\ The Economist\ July 21, 2009.
- China's Twelve Measures for Promoting Friendly Cooperation with Central and Eastern European Countries. http://www.china-ceec.org/eng/ldrh_1/2012hs/hdxw/t1410546.htm.
- Chiriu A.* The Chinese Influence in Central and Eastern Europe during the Global Economic Crisis. <http://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/02/Chiriu.pdf>.
- Country Report: Russia”, The Asian Forum, 24 November 2016. <http://www.theasianforum.org/country-report-russia-november-2016/>.
- Drabokoupil J.* Chinese investment in Europe: corporate strategies and labor relations. ETUI aisbl, Brussels. 2017.
- ECFR. China's investment in influence: The future of 16+1 cooperation. ECFR China Analysis. No. 199. December 2016. P. 1. http://www.ecfr.eu/page/-/China_Analysis_Sixteen_Plus_One.pdf
- Emmott R.* EU's statement on South China Sea reflects divisions // Reuters. 15 July 2016. <http://www.reuters.com/article/us-southchinasea-ruling-eu-idUSKCN0ZV1TS>.
- European Commission. Elements for a new EU strategy on China. Joint Communication to the European Parliament and the Council. Brussels, 22.06.2016. https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_to_the_european_parliament_and_the_council_-_elements_for_a_new_eu_strategy_on_china.pdf.
- European Commission. President Jean-Claude Juncker's State of the Union Address 2017*. Brussels, 13 September 2017. europa.eu/rapid/attachment/SPEECH-17-3165/en/EN-FR-DE-Speech.pdf.
- Evans M., Thomson K., Gruber B.* Chinese investment into Europe hits record high in 2014. Chicago, Baker and McKenzie, 2015.
- Gabuev A.* China and Russia: Friends with strategic benefits. Lowy Institute, 2017. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpretation/china-and-russia-friends-strategic-benefits>.
- Jakóbowski J., Popławski K., Kaczmarski M.* The Silk Railroad. The EU-China rail connections: background, actors, interests. Ośrodek Studiów Wschodnichim. Marka Karpia. Centre for Eastern Studies. 02/2018.

- Jiang J., Sinton J.* Overseas Investments by Chinese National Oil Companies: Assessing the Drivers and Impacts / Information Paper (Paris: International Energy Agency, June 2011). P. 15–22.
- Kobrinckaya I.* Is Russia Coming to Terms with China's 'Silk Road?', *Russia in Global Affairs*, 2016. <http://eng.globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Is-Russia-Coming-to-Terms-with-Chinas-Silk-Road-18526>.
- Kynge J.* How the Silk Road Will Be Financed // *Financial Times*, May 9, 2016. <https://www.ft.com/content/e83ced94-0bd8-11e6-9456-444ab5211a2f>.
- Levi M.* By all means necessary: how China's resource quest is changing the world. - Oxford University Press, 2014. P. 3–20.
- Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History, *The Geographical Journal*, Vol. 23, No.4 (Apr., 1904). P. 437.
- Miu R., Chong T-S, Leung C.* One Belt, One Road - Moving Faster Than Expected // DBS Group Research, DBS Asian Insights. September 2017. P. 10–12.
- Poggetti L.* China's Charm Offensive in Eastern Europe Challenges EU Cohesion // *The Diplomat*, November 24, 2017/ <https://thediplomat.com/2017/11/chinas-charm-offensive-in-eastern-europe-challenges-eu-cohesion/>.
- Przychodniak M.* The 16+1 Initiative and Challenges for Cooperation between China and Central and Eastern European Countries. PISM Bulletin, no 121 (1061). 05 December 2017. URL: http://www.pism.pl/files/?id_plik=23848.
- Reshaping Eurasian Economic Space: Common Perspectives from China, Russia and Kazakhstan Think Tanks, Valdai Discussion Club, July 2017 <http://valdaiclub.com/files/14845/>.
- Romanowski M.* The Four Faces of China in Central and Eastern Europe. Thursday, November 30, 2017. <https://yaleglobal.yale.edu/content/four-faces-china-central-and-eastern-europe>.
- Schubert J.* New Eurasian Age: China's Silk Road and the EAEU in SCO space or "Noodles and Meatballs in a Breaking Bowl", 2006. <http://www.jeffschubert.com/>.
- Seaman J., Huotari M., Otero-Iglesias M.* Chinese Investment in Europe. A Country-Level Approach. A Report by the European. Think-tank Network on China (ETNC). December 2017.

- Shucun V., Chinsun V.* SNG i sovremennaya politika Kitaya [The CIS and Modern Policy of China], Svobodnaya mysl [Free Thought], 2012, No. 5–6, 88.
- Szunomár Á.* Cooperation between China and Central and Eastern Europe: Promising Start, Doubtful Outlook. <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/cooperation-between-china-and-central-and-eastern-europe-promising-start-doubtful-outlook>. Dec 06, 2017.
- The construction of the Economic Belt along the Great Silk Road will be the driving force for comprehensive cooperation in Eurasia. Xinhua News Agency, October 24, 2013.
- Vinokurov Evgeny EAEU and Asian Countries: Plans, Prospects and Challenges <http://valdaiclub.com/a/highlights/aeu-and-asian-countries-plans-prospects/>.
- Vladimir Putin, speech on subject of “The Future in Progress: Shaping the World of Tomorrow”, Valdai International Discussion Club, 27 October 2016 <http://valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-took-part-in-the-valdai-discussion-club-s-plenary-session/>.
- Worldwide Chinese Investments & Construction (2005 - 2017). China Global Investment Tracker by Heritage Foundation. <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>.
- Xin Z.* A trillion-dollar question on China’s FX dilemma: just how low should its reserves go? \ The South China Morning Post \ January 8, 2016.
- Zeneli V.* What Has China Accomplished in Central and Eastern Europe? // The Diplomat, 2016, November 25. <https://thediplomat.com/2017/11/what-has-china-accomplished-in-central-and-eastern-europe/>.
- Zeneli V.* What Has China Accomplished in Central and Eastern Europe? // The Diplomat, 2017, November 25. <https://thediplomat.com/2017/11/what-has-china-accomplished-in-central-and-eastern-europe/>.
- Zhang X.* Chinses Capitalism and the New Silk Roads // Aspen Institute, Prague, April 2016. <http://www.aspeninstitute.cz/en/article/4-2016-chinese-capitalism-and-the-new-silk-roads/>.

Zuokui L. The One Belt One Road initiative in the context of the 16+1 Cooperation (一带一路倡议背景下的”16+1合作) // Dangdai Shijie Yu Shihui Zhuyi, 2016.

ОБ АВТОРАХ

Глинкина Светлана Павловна — д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного направления «Международные экономические и политические исследования» ИЭ РАН.

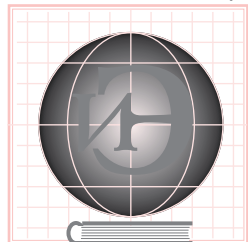
Куликова Наталия Владимировна — к.г.н., заведующая Центром восточноевропейских исследований ИЭ РАН.

Тураева Мадина Октамовна — д.э.н., ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИЭ РАН.

Голубкин Александр Викторович — младший научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований ИЭ РАН.

Яковлев Артём Александрович — младший научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии ИЭ РАН.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

С.П. Глинкина, Н.В. Куликова,
М.О. Тураева, А.В. Голубкин, А.А. Яковлев

**Китайский фактор в развитии стран
российского пояса соседства: уроки для России**

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Борищёва И.В.*

Подписано в печать 06.11.2018. Заказ № 38

Тираж 300 экз. Объем 3,1 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0636-8

9 785994 006368